

Красный корсар

Автор:

[Джеймс Купер](#)

Красный корсар

Джеймс Фенимор Купер

«Красный Корсар» – один из наиболее известных морских романов классика американской литературы Дж. Ф. Купера. Герой романа, пират и контрабандист, изгой и мечтатель, романтик и бунтарь, бросает вызов военному флоту английского короля. И его команда – такие же мужественные, бесстрашные и отчаянные люди, которым по силам укротить морскую стихию и восстать против тирании Великобритании. Вас ждут океанские просторы, соленый ветер, захватывающие приключения, звон клинков и залпы пушек.

Джеймс Фенимор Купер

Красный Корсар

«The Red Rover» by James Fenimore Cooper

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

* * *

Факты, даты, цитаты

Купер глазами современников

Купер и Вальтер Скотт (1771-1832), британский писатель

23 ноября 1826 года Куперу нанес визит Вальтер Скотт. Вот как сам Купер описывает эту встречу: «Я спускался по лестнице нашей гостиницы... когда встретил пожилого человека, подымающегося, как мне показалось, с трудом. Во дворе стояла карета. По всей фигуре и по выражению лица входившего, как и по виду экипажа, мне показалось, что посетитель приехал ко мне. Мне даже показалось, что его лицо мне знакомо, хотя я никак не мог вспомнить его имя. Мы разошлись, раскланявшись, и я уже выходил из двери, когда незнакомец вдруг остановился и спросил по-французски: “Не могу ли я видеть господина Купера?” – “Я – Купер”. – “Мое имя Вальтер Скотт”... Мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его за оказанную честь. Мы проговорили около часа в моем кабинете... Затем я дважды завтракал с ним, он снова побывал у меня, и мы встретились еще раз у княгини Голицыной, которая устроила прием в его честь... На следующий день сэра Вальтера уехал в Лондон». (По книге С. С. Иванько «Фенимор Купер», 1991)

В начале 1826 года Купер познакомился с Вальтером Скоттом, который приехал к нему в отель и провел в беседе около часа. «Он обращался со мной как со своим младшим братом, говорил с добротой и держался с изысканностью», – сообщал Купер друзьям в Нью-Йорк. Писатели встречались несколько раз в доме Голицыной. Об одном таком вечере есть запись в дневнике Вальтера Скотта: «Купер также был здесь, так что шотландский и американский львы совместно владели полем» (по книге М. Н. Бобровой «Джеймс Фенимор Купер», 1967).

Считается, что свой первый морской роман Купер написал под влиянием Вальтера Скотта. С. С. Иванько так описывает это в своей книге:

Замысел нового романа Купера возник совершенно случайно во время оживленного обмена мнениями с друзьями за обедом в Нью-Йорке. Темой беседы был новый роман Вальтера Скотта «Пират». Собравшиеся за столом удивлялись, как Вальтер Скотт, юрист и знаток рыцарской старины, поэт и исследователь нравов и обычаев северных народов, мог стать специалистом в области морского дела и создать на эту тему роман. Купер возражал, что в романе не чувствуется знания морского дела и что автор просто сумел создать иллюзию действительности настолько реальную, что читатели ей верят. Настоящий знаток моря и морского дела мог бы создать куда более интересный роман. Но большинство присутствующих не соглашались с Купером. Как может монотонная морская пучина, которая знает одно лишь движение – шторм, послужить местом действия романа? Разве образованные женщины станут читать роман, герои которого пропитаны потом и солью? Кому интересна тяжелая и однообразная, как само море, морская служба?

Чем больше возражений выслушивал Купер, тем сильнее он утверждался в мысли о том, что действие его следующего романа должно будет происходить на море. Такой поворот событий, конечно, не был случайным, он был предопределен собственным жизненным опытом писателя и его личными интересами. Купер провел на море годы ранней юности. Он любил и море, и моряков, хорошо знал и любил морскую службу и оставил ее только под давлением своей будущей жены, которая не давала согласия на их брак, пока он не пообещал, что уйдет с флота. Можно лишь удивляться тому, что море и моряки не стали предметом романов Купера значительно раньше. Ведь в представлении писателя две стихии всегда были неразрывно связаны между собой – морская пучина и лесная глушь, водная гладь и чаща леса. Обе эти природные стихии являлись неизменными предметами его напряженного интереса.

И вот теперь, ранней весной 1823 года, Купер принялся за свой первый морской роман.

...

Задумав написать морской роман, который моряки ценили бы за точность описаний корабля и морской службы, а незнакомые с морем читатели понимали бы специфику и сложность жизни на море, Купер взял на себя весьма сложную задачу. «Я ставил себе целью избежать технических описаний, чтобы создать поэтическое произведение. Хотя сам сюжет требовал следования мельчайшим

деталю обстановки, чтобы повествование выглядело правдивым», – так охарактеризовал свои намерения писатель.

Дэниэл Вэбстер (1782–1852), американский государственный деятель

Он известен повсюду, его произведения читали не только во всей нашей стране, но и везде, где читают на нашем языке, – и где бы их ни читали, они вселяли добрые чувства и приносили разумное удовольствие. Он обладал силой развлекать и просвещать читателей из младшего поколения страны, не нанося ущерба их нравственности и не потворствуя извращенным страстям. ... И в то же время эти произведения полны информации относительно нашей страны, древних народных обычаев и наших пейзажей, и, следовательно, они будут с большим интересом восприняты последующими поколениями и передадут его изображение американского характера в эпоху, предшествовавшую его собственной, тем, кто придет после него.

Фиц-Грин Холлек (1790–1867), американский поэт

Я имел честь хорошо знать г-на Купера. Его отличала исключительная искренность. Его уважение к правде как в мелочах, так и в важнейших делах превосходило все мне известное, а его жизнь в дискуссиях с теми, кого он считал неправыми, в конце концов превратилась в долгое подвижничество ради принципов.

Сэмюэл Морзе (1791–1872), американский изобретатель и художник

Я могу искренне сказать, что годы наших близких отношений не были омрачены наименьшей холодностью. Мы общались каждый день, почти каждый час, в полные события 1831 и 1832 годы в Париже. Я никогда не встречал более искреннего, теплосердечного, надежного друга. Никто не был так близок к созданному мной идеалу честного и благородного человека. ... Он был пылким, непреклонным приверженцем устоев своей страны и защищал их от нападков с риском потерять славу и богатство. Его щедрость, покорная его великодушным симпатиям, едва ли ограничивалась благоразумием.

* * *

Я побывал во многих странах Европы, и утверждения о славе господина Купера могу подтвердить собственным опытом. Во всех европейских городах, в которых я побывал, произведения Купера были выставлены на видном месте в витринах всех книжных магазинов. Как только он их заканчивает, они издаются в тридцати четырех разных местах Европы. Американские путешественники видели их переведенными на турецкий и персидский язык, в Константинополе, в Египте, в Иерусалиме, в Исфахане.

Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), русский поэт, литературный критик

Купер – романист пустыни, влажной и сухой. (В другом романе описывает он американскую степь.) Романы его и отзываюся немного однообразием пустыни; но зато есть что-то беспредельное и свежее. Никто, кажется, сильнее и вернее его не был одарен чутьем пустыни и моря. Он тут дома и переносит читателя в стихию свою.

Вальтер Скотт вводит вас в шум и бой страстей, человеческих побуждений; Купер приводит вас смотреть на те же страсти, на того же человека, но вне очерка, обведенного вокруг нас общежитием, городами, условиями их и т. д. С ним как-то просторнее, атмосфера его свободнее, очищеннее и прозрачнее. Малейшее впечатление, которое в сфере Вальтера Скотта ускользнуло бы, здесь действует сильнее и раздражительнее. Чувство читателя изощряется от стихии, куда автор нас переносит. Мы видим далее и глубже. В Купере более эпического, в Вальтере Скотте более драматического, хотя в том и в другом эти оттенки иногда сливаются.

...Море – какое раздолье и какая прелесть у Купера! Так и купаешься в этом море. Корабль, все морские принадлежности, вся адмиралтейская часть изображены в живописном совершенстве. Петр I осыпал бы Купера золотом и пожаловал бы его в адмиралы...

В романах Вальтера Скотта в толпе людей не всегда успеешь разглядеть человека; мимо иных действующих лиц проходишь иногда без внимания: оно все обращено на лица, особенно выдающиеся вперед, и на вышины, как

обыкновенно водится и в житейском быту. На пустом и обширном горизонте Купера всякое существо рисуется отдельно и цело, все видимое возбуждает внимание, и следишь за ним, пока не скроется оно совершенно из глаз.

Общежительный человек скажет: должно жить в мире Вальтера Скотта и заглядывать в мир Купера. Нелюдим (не то что человеконенавистник; нелюдим может и не иметь ненависти к человечеству, а у нас неправильно то и другое слово принимаются в значении мизантропа), нелюдим скажет: должно жить (т. е. любо жить) в мире Купера, а можно для развлечения заглядывать и в мир Вальтера Скотта.

Уильям Каллен Брайант (1794–1878), американский поэт, журналист и редактор «New York Post»

Я мало сказал о его недостатках, так как они были очевидны для всего мира, они лежали на поверхности его характера; те, кто мало его знал, больше всего обращали на них внимание. С его характером, настолько состоящим из позитивных качеств, – характером столь независимым, непреклонным и намного более чувствительным, чем он хотел бы признать, неудивительно, что часто возникали обстоятельства, которые приводили его иногда к дружеским столкновениям, а иногда к более серьезным разногласиям и недоразумениям со знакомыми. ... Ему никогда не приходило в голову скрывать свои мысли, и он ненавидел обман у других людей; к тем, о ком он был плохого мнения, он не соизволял выявить даже те знаки почтения, которые были приняты и почти необходимы в обществе. Когда кто-нибудь мужественно высказывал свое мнение, даже отличающееся от его собственного, это вызывало его уважение.

О собственных произведениях он говорил так же свободно, как и о произведениях других и никогда не колебался высказываться о книге из-за того, что она была написана им самим; при этом он мог с мягкостью выносить любые несогласия с его оценкой собственных произведений. Его характер был похож на коричневое дерево – твердая и жесткая кора снаружи и пылкая мягкость внутри. Те, кто проникали под поверхность, находили мягкий характер, теплые чувства и сердце, в котором было достаточно места для его друзей, их занятий, их доброго имени, их благополучия. Они узнавали, что он филантроп, ... религиозный человек, наиболее благочестивый, когда благочестие – это скорее чувство, чем исполнение обрядов, ... гостеприимный и в меру своих средств щедрый в благотворительных делах. ... Короче говоря, Купер был из тех людей, кого чтобы любить, нужно близко знать.

* * *

Мне кажется, что в характерной для него манере письма он соединял в высшей мере те качества, которые позволяли ему заинтересовать наибольшее количество читателей. Он не писал для людей привередливых, утонченных, не в меру чувствительных, так как для них его талант был слишком жестким ...; нет, он писал для человечества в целом – для мужчин и женщин с обычными здоровыми чувствами, – и их восхищение было ему наградой. Именно для этой части общества библиотеки вынуждены запасаться огромным количеством экземпляров его произведений... Следовательно, он заслужил более широкую славу, чем любой современный.

* * *

Джентльмена, который вернулся из Европы незадолго до смерти Купера, спросили, что делают люди на Континенте. «Они все читают Купера, – ответил он, – в маленьком королевстве Голландии, с его тремя миллионами жителей, я видел четыре разных перевода Купера на язык этой страны». Путешественник, который видел многих представителей среднего класса в Италии, позже сказал мне: «Оказалось, что все, что они знают об Америке, а это немало, они узнали из романов Купера».

Купер и Адам Мицкевич (1798–1855), польский поэт и общественный деятель

Купер встретился с Адамом Мицкевичем в Париже в 1826 году. Известно, что они вместе ездили верхом в окрестностях Рима, но не осталось никаких записей об их разговорах. Хотя польский поэт-романтик Антоний Эдвард Одынец слышал, как Купер спрашивал Мицкевича «о духе и характере славян и о племенах, кочующих в степи».

Оноре де Бальзак (1799–1850), французский писатель

В наше время Купер – единственный автор, достойный встать рядом с Вальтером Скоттом... Купер обязан высоким местом, которое занимает в современной

литературе, дару описывать море и моряков и дару идеализировать великолепные пейзажи Америки.

* * *

...Я читал и перечитывал произведения американского романиста, скажем точнее, – американского историка: обе его способности вызывают в мне восхищение, которые вызвали они и в Вальтере Скотте.

* * *

Некоторые авторы книг о Купере утверждают, что Бальзак «рычал от восторга, читая его романы».

Жорж Санд (1804–1876), французская писательница

Купера часто сравнивают с Вальтером Скоттом, это большая честь, которой его нельзя считать недостойным; но говорят также, что Купер всего лишь искусный и удачный подражатель великого мастера – это не то, что чувствую я.

Купер, конечно же, мог и должен был испытывать влияние формы и способа письма Скотта. Какой более подходящий пример мог бы он выбрать? Стил, когда он хорош, сразу же становится общественной собственностью, но стиль – это только одежда идеи, и никто никому не подражает, когда одевается согласно моде своей эпохи. Оригинальность не задыхается в подходящей и хорошо сшитой одежде, наоборот, она может свободнее двигаться в ней.

* * *

Америка, по словам Жорж Санд, стольким же обязана Куперу в сфере литературы, скольким Франклину и Вашингтону в науке и политике (по книге М. Н. Бобровой «Джеймс Фенимор Купер», 1967).

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882), американский поэт

Наша страна многим ему обязана. ... Я не был ни в одной европейской стране, где его имя не было бы хорошо известно.

Сэмюэл Осгуд (1808–1885), американский художник

Сила воли, наверное, более, чем способность к интеллектуальному анализу, изысканная чувствительность или развитое воображение, является характерной чертой его героев, и в этом смысле его портреты хорошо показывают самые сильные черты американского практического ума. Типичный для него человек, будь то обитатель лесов, моряк, слуга или джентльмен, всегда стремится исполнить какое-то особенное задание, и его развитие от плана до исполнения описано с военной или морской точностью. Однако он никогда не пропускает ни одной существенной черты благородного мужества и любит показывать, сколько предприимчивости, храбрости, сострадания оно объединяет со здравым смыслом и религиозными принципами.

Эдгар Аллан По (1809–1849), американский писатель, литературный критик

Эдгар По говорил о том, что современную американскую литературу можно поделить на две категории – к первой отнести те произведения, которые читают все и каждый, ко второй – изысканные, рассчитанные на немногих. К первой категории он относил книги Купера, а ко второй – собственное творчество (по книге М. Н. Бобровой «Джеймс Фенимор Купер», 1967).

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), русский литературный критик, публицист

Купер явился после Вальтера Скотта и многими почитается как бы его подражателем и учеником; но это решительная нелепость: Купер – писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же гениальный, как и шотландский романист. ... Будучи гражданином молодого государства, возникшего на молодой земле, не похожей на наш старый свет, – он

через это обстоятельство как будто бы создал особый род романов – американско-степных и морских. ... Дивный, могучий, великий художник!

Сюзан Фенимор Купер (1813–1894), американская писательница, дочь Джеймса Фенимора Купера

Семейная легенда о том, как Купер неожиданно стал писателем.

Мать моя была нездорова; она лежала на кушетке, а он читал ей вслух свежий английский роман. Видимо, вещь была никчемная, потому что после первых же глав он отшвырнул его и воскликнул: «Да я бы сам написал тебе книгу получше этой!» Мать рассмеялась – до того абсурдной показалась ей эта идея. Он, который терпеть не мог писать даже письма, вдруг засядет за книгу! Отец настаивал, что сможет, и правда, с ходу набросал первые страницы истории, у которой еще не было названия; действие, между прочим, происходило в Англии.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841), русский поэт и прозаик

О единственной серьезной своей беседе с Лермонтовым Белинский пишет: «Я был без памяти, когда он сказал, что Купер выше Вальтера Скотта, что у него больше глубины и художественной целостности» (по «Литературной энциклопедии», 1929).

Ричард Генри Дана (1815–1882), американский юрист, политический деятель и писатель

Вы делаете для нас то, что Скотт и мисс Эджуорт делают для их родины. Вы живете весьма близко от тех времен, которые описываете, знаете лично людей, которые были актерами на сцене истории или простыми свидетелями ее. И из того, что осталось от этих дней, вы сумели воссоздать их атмосферу. Ваши труды впечатляют нас всей искренностью описываемой реальной действительности. Созидательная сила вашего ума, кажется, преподносит нам истинную правду, приукрашенную или приглушенную атмосферой того времени... Мысли и движения души, которые вы подарили миру, будут

будоражить своим светом и таинственным значением толпы живых, озабоченных людей и тогда, когда уже нельзя будет разобрать ваше имя на вашем могильном камне.

Джордж Копуэй (1818–1863), вождь индейцев оджибве, а затем проповедник и литератор

Изо всех писателей нашей любимой родины вы больше всех других по достоинству оценили попираемую расу. В ваших книгах в истинном свете показаны благородные черты характера индейцев. В моих путешествиях по Англии, Шотландии, Франции и другим европейским странам меня часто спрашивали: «Правдиво ли изображает г-н Купер американских индейцев?» И я всегда с большим удовольствием отвечал одним словом: «Да!»

У. Гардинер (автор рецензии на книгу Купера в «North American Review», 1822)

Когда нужно изобразить действие, он принимается за дело со всем пылом. Внимание читателя приковано к событиям; всякий иной интерес поглощается в действии, которое описано смелой кистью в живых красках... Бегство, отчаянное преследование, поражение, победа проносятся перед вами с быстротой и яркостью молнии, сверкающей летом в тучах; а рисуемая картина продолжает неодолимо увлекать за собою читателя, не менее чем самого автора.

Упоминание о Купере в русской прессе

В 1828 году в «Московском телеграфе» напечатана была следующая заметка: «Американский литератор Фенимор Купер в мае месяце хочет отправиться через Германию в Россию, побывать в Петербурге, Астрахани и Одессе. Один из корреспондентов “Одесского вестника” видел Купера в Париже, и Купер сам говорил ему об этом. “Люблю русских и хочу видеть Россию”, – сказал Купер».

Отзывы о романе «Красный Корсар»

Вальтер Скотт о романе «Красный Корсар»

Прочел новый роман Купера «Красный Корсар»; действие его разворачивается почти исключительно в океане. Некоторое излишество мореходных терминов; по сути дела, они подавляют все остальное. Но если только читатели заинтересуются описаниями, они проглотят и многое такое, чего не понимают.

...

Купер обладает могучим талантом, глубоким пониманием человеческой души и силой исполнения. Но, как видно, ему приходят в голову те же мысли, что и другим людям. Изящная форма рангоута и узор такелажа на фоне неба встречаются слишком часто.

Шарль Огюстен де Сент-Бев (1804–1869), французский литературовед и литературный критик

Посмею заявить со всей смелостью, что в этом романе [«Красный Корсар»] корабли – два наиболее важных и наиболее сильных характера и что «Дельфин» более интересен, чем сам корсар.

* * *

Никто не понимал океан лучше, чем Купер, – звуки его голоса и переливы его цветов, тишину его спокойствия и гром его шторма. Никто не передал с такой образностью и правдой чувства самого корабля и его преисполненную сочувствия гармонию с командой.

Виссарион Григорьевич Белинский

Купер на тесном пространстве палубы умеет завязать самую многосложную и в то же время самую простую драму, которой корни иногда скрываются в почве материка, а величавые ветви осеняют девственную землю Америки. Эта драма невольно изумляет вас своей силою, глубиной, энергиею, грациозностью, а

между тем в ней все так, по-видимому, спокойно, неподвижно, медленно и обыкновенно! – Вспомните его «Лоцмана» и «Красного корсара». ...

Немало оригинальности придает гению Купера еще и то, что Купер – гражданин молодого государства, возникшего на молодой земле, нисколько не похожей на наш старый свет. Вследствие этого обстоятельства на созданиях Купера лежит какой-то особый отпечаток: с мыслию о них тотчас переношишься в девственные леса Америки, на ее необъятные степи, покрытые травой выше человеческого роста, – степи, на которых бродят стада бизонов, таятся краснокожие дети Великого Духа, ведущие непримиримую брань между собою и с одолевающими их бледнолицыми людьми... Море еще едва ли не больше связывается с мыслию о романах Купера: море и корабль – это его родина, тут он у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля; как искусный капитан, он умеет управлять им, и, нападая на неприятельское судно и убегая от него, он сыплет любезными его слуху терминами и теряется в описаниях маневров корабля с таким же удовольствием, как Вальтер Скотт в описании какого-нибудь древнего костюма или мрачной готической залы.

Много лиц, исполненных оригинальности и интереса, создала могучая кисть великого Купера: стоит только упомянуть о Джон-Поле, Красном Корсаре и Харвее-Бирше, чтоб разом потеряться в созерцании бесконечного...

Сюзан Фенимор Купер

«Красный Корсар» – это более всего книга о море, так же как «Могикане» – это рассказ о лесе. Вся драма почти полностью разыгрывается в океане. Занавес поднимается в порту, но разнообразные сцены ..., сменяющие друг друга с потрясающей скоростью, полностью разворачиваются на водных просторах. Считается, что в английской литературе вряд ли есть другая книга, настолько морская по своему духу. Это как бы материальная картина моря, написанная рукой мастера, где взгляд устремляется вдаль над катящимися волнами, скользит по морской птице, парящей в брызгах, и останавливается на прекрасном корабле с наполненными ветром парусами, пока мы не забудем о простирающейся за нами суше и почве под собственными ногами. В «Корсаре» изображены чрезвычайно благородные пейзажи океана в его величественном движении, в то время как два судна, на которых сосредоточено повествование, двигаются с чудесной силой и грацией, управляемые рукой того, кто был и

лоцманом, и поэтом в собственном мире.

Писатели, литературоведы и историки литературы о Купере и романе «Красный Корсар»

Фрэнсис Паркмен (1823–1893), американский историк и литератор

Я всегда испытывал особое восхищение перед сочинениями Купера. Они были моими любимыми в детстве, и хотя прошло по крайней мере девять или десять лет с того момента, как я впервые открыл их, сцены и персонажи нескольких его романов благодаря силе его таланта наложили такой отпечаток на мое сознание, что мне иногда трудно четко отделить их от собственных воспоминаний. Я без преувеличения могу сказать, что влияние Купера определило направление моей жизни и занятий.

* * *

Изо всех американских писателей Купер является наиболее оригинальным и наиболее типично национальным... Его книги – правдивое зеркало той грубой трансатлантической природы, которая кажется такой странной и новой европейскому глазу. Море и лес – сцены наиболее выдающихся достижений его сограждан. И Купер чувствует себя как дома и на море, и в лесу. Их дух вдохновлял его, их образы запечатлелись в его сердце. И люди, воспитанные морем и лесом, – моряк, охотник, пионер – живут и действуют на страницах его книг со всей энергией и правдивостью подлинной жизни...

Уилки Коллинз (1824–1889), английский писатель

Купер – величайший романтик, ему нет равного во всей американской литературе.

Томас Рейнсфорд Лонсбери (1838–1915), американский историк литературы и критик

С самого начала следует отметить, что первое впечатление, которое Купер производил на незнакомцев, редко было в его пользу. ... Он был бесконечно горд, и в его манерах было самоутверждение, которое граничило, или казалось, будто граничит с высокомерием. Более того, его искренность часто ошибочно принимали за резкость и жестокость, потому что он был в некоторой мере из тех людей, которые кажутся взволнованными, когда они всего лишь заинтересованы. В результате он сначала скорее отталкивал, чем привлекал.

...

В противовес этому взгляду на его характер справедливо будет прибавить, что он имел много качеств, которые могли бы привести к почти противоположному результату. Он был необычайно щедрым и дарил с расточительностью, которая иногда выходила за рамки благоразумия в понимании большинства людей. ... Кроме щедрости, он обладал высочайшим чувством собственного достоинства. Действительно, иногда оно доходило до почти донкихотской крайности; так что люди нравственно ограниченные не могли даже понять принципов его поведения, а те, кого удовлетворяла общепринятая мораль, воспринимали его защиту своих взглядов как оскорбление. ... Близкое знакомство непременно вызывало к Куперу уважение, восхищение и, в конце концов, привязанность. ... Те, кто знал его лучше всего, больше всего его любили. Но даже они часто были вынуждены признать, что необходимо было быть хорошо с ним знакомым, чтобы оценить, каким щедрым, каким преданным и возвышенным он был.

Джозеф Конрад (псевдоним Юзефа Теодора Конрада Коженевского; 1857–1924), английский писатель, поляк по происхождению

Для Джеймса Фенимора Купера природа не была обрамлением, она была неотъемлемой частью жизни. Он мог слышать ее голос, он мог понимать ее тишину и мог толковать и то, и другое для нас в своей прозе. ... Его слава, такая же широкая, но менее блистательная, чем у его современников, основана большей частью на романах, в которых речь идет не о море. Но он любил море и смотрел на него с совершенным пониманием. В его морских повестях море переплетается с жизнью; оно неуловимым образом является частью проблемы существования, и, со всем своим величием, оно всегда соприкасается с людьми, которые, связанные делами войны или наживы, пересекают его необъятные одинокие просторы. Его описания полны деталей, которые позволяют увидеть широту горизонта. Они включают в себя цвета заката, спокойствие звездного

света, изображения штиля и шторма, величественное одиночество вод, тишину настороженных берегов и тревожную готовность, отмечающую людей, которые живут лицом к лицу с надеждой и угрозой моря.

Максим Горький (1868–1936), русский писатель

Романы Купера и до сего дня не потеряли интереса правдивых и красиво сделанных картин к истории заселения Северо-Американских штатов, – истории, которая поучительно рассказывает нам о том, как энергичные люди в течение полутора десятилетий организовали мощное государство в стране дремучих лесов, пустынных степей, среди кочевых племен индейцев.

* * *

Воспитательное значение книг Купера – несомненно. Они на протяжении почти ста лет были любимым чтением юношества всех стран, и, читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию.

Вернон Луис Паррингтон (1871–1929), американский критик

Фенимор Купер – один из самых сложных писателей своего времени. При знакомстве с ним легко может создаться впечатление, что он представляет собой сплошной клубок противоречий. Будучи писателем романтической школы и критиком социальной действительности, человеком, симпатизировавшим феодальным порядкам и тем не менее исповедовавшим республиканские убеждения, Купер нередко ставил в тупик как своих современников, пытавшихся, сердясь на писателя, все же понять его, так и последующие поколения.

* * *

Фенимор Купер играл роль барометра своего бурного времени, который чутко реагировал на все штормы, разыгрывающиеся за далеким горизонтом. Никто из тех, кто наблюдал изменчивую жизнь этой эпохи, не переживал так сильно, как Купер, распад старых связей, и никто не прилагал столько усилий, пытаясь удержать своих соотечественников на прямом пути старомодной праведности.

* * *

Человек кристальной честности, всегда откровенно говоривший то, что он думал, Купер попытался примирить непримиримое, утвердить прочные устои среди обломков всех и всяческих устоев. Он не мог бездумно плыть по течению и испытывал настоятельную потребность найти какое-то действенное равновесие между старой и новой Америкой.

* * *

Он хотел сохранить все прекрасное из наследия прошлого, чтобы обогатить прекрасное, существовавшее в настоящем, и придать ему новое достоинство, сделать так, чтобы молодая демократия приобрела величие и степенность аристократии.

* * *

Отвращение к убожеству окружающей его действительности, стремление отвлечься от нее толкало Купера на поиски благородных героев, не потерявших связи с природой, в девственных лесах и на морских просторах. ... Их стихия – привольные леса, простирающиеся за границей поселений, где полным драматизма побегам и преследованиям не служат помехой возвышающиеся изгороди. Там их врожденные добродетели расцветают пышным цветом, а таланты, которыми их щедро одарила природа, находят себе полное применение. Они также держатся в стороне от поселков, как старался держаться подальше от них сам Купер. ... Он не любил пестреющие пнями вырубki и грязные хижины ленивых скваттеров. Его печалили опустошения, творимые топором дровосека, и он находил успокоение лишь тогда, когда оставлял позади последние следы человека и оказывался в лесной чаще, где уже не ощущался запах рома.

Мария Несторовна Боброва (автор книги «Джеймс Фенимор Купер. Очерк жизни и творчества», 1967)

Купер-романтик предоставил европейцам то, чего они страстно ждали, – поэтический образ Америки.

Он был не только внешне привлекательным, но и обаятельным по нравственной сути своей. Положительных героев Купера отличала та органическая неспособность жить низменными (или приземленными) идеалами, которая уже была знакома в героях Байрона и Шелли. Они – современные по своей духовной структуре люди – ведомы были по трудному и часто трагическому пути страстями и чувствами высокого накала; их изнутри сжигала жажда такого внутреннего совершенства, которое им самим казалось недоступным, несмотря на то что они превосходили окружающих благородством деяний и помыслов своих.

* * *

Читать романы Купера – это значит проходить школу отваги и мужества. У него не бывает самодовлеющего пейзажа, а всегда – человек и природа. И человек в завидной роли «венца творения». Суровая, прекрасная, могучая, чарующая и грозная природа – достойный соперник человеку – мужественному, нестигаемому, волевому и любвеобильному. Таковы герои Купера. Они обаятельны в непрерывной деятельности своей, в стремительном движении и волевом напряжении: у них всегда ясная и конкретная цель, бескорыстное и великодушное стремление помочь другому человеку в беде; они отважны и искусны, не знают отчаяния, уныния или безвыходных положений. Ежечасно совершая героические подвиги, они скромны, упорны и поэтому неизменно удачливы.

* * *

Море в «Корсаре» занимает главное место. Оно – фон к мятежной натуре вольнолюбивого Корсара, симфония его смятенных чувств, когда благородство борется в его душе со злобной мстительностью и мрачной решимостью. Но главная эстетическая функция моря традиционно байроническая. Неукротимая

изменчивая стихия – море грозное, бурное, сияющее пронзительной синевою и отраженной небесной лазурью, пленительное и погубительное, как его изображает Купер, – влечет к себе и укрывает на своих широких равнинах вольнолюбивых людей, вступивших в конфликт с обществом и его законами.

Море в морских романах и лес в пенталогии о Кожаном Чулке играют одну и ту же роль: они – убежище для парий. В то же время море, лес – суровая школа, в которой ежечасно проверяются воля, собранность, мужество и стойкость человека.

Непрестанное ратоборство со стихией таит в себе неизменную загадочность: кто кого? Тем самым является обаятельной, притягательной силой для читателей всех возрастов. Корсар и его корабль – чудесное, почти одухотворенное существо, неотделимое от легендарного моряка, – поэтичны в самом высоком смысле слова. Оба они неуязвимы ни для ядер врага, ни для свирепых ураганов. Лишь сила страстей может восторжествовать над волею моряка.

Сергей Сергеевич Иванько (автор биографии Купера в серии «Жизнь замечательных людей», 1991)

В своих отношениях с окружающими Купер придерживался определенных взглядов. Он высоко ценил мужскую дружбу, был скрупулезно точным в финансовых расчетах, отличался доброжелательностью и терпимостью, верил людям и был глубоко разочарован, если эта вера не оправдывала себя. Он бывал излишне резок в своих суждениях и оценках, но, как правило, его выводы опирались на жизненные факты. Его не раз подводили люди, которых он считал своими друзьями, и он каждый раз глубоко страдал от этого. Куперу были чужды расовые предрассудки, он одинаково уважительно относился к белым, черным или краснокожим своим согражданам.

* * *

Лето 1827 года Куперы жили в небольшой деревушке под Парижем. Просторный дом стоял на берегу Сены, вокруг дома раскинулся большой сад, на самом берегу реки был деревянный настил и небольшой летний павильон. Купер любил работать в этом павильоне, здесь-то и были написаны многие страницы нового

романа, который получил название «Красный Корсар».

* * *

В своем новом романе Купер исторически правдиво изобразил не только определенный этап борьбы американских колоний за свою независимость, но и реалистически обрисовал типичные образы участников этой борьбы – американских корсаров и приватиров, людей по-своему благородных, но оттого не менее жестоких и беспринципных. Личная судьба Красного Корсара вызывает у читателей сочувствие, но методы его борьбы за справедливость, как он ее понимал, были жестокими и бескомпромиссными, такими, каким было его время.

Отто Вайскопф (автор статьи «Новый свет в литературе» в журнале «Рандеву», 2005)

Образ Корсара двойственен. С одной стороны, он отщепенец, окруживший себя головорезами. Но с другой стороны, он мечтатель, который чувствует необходимость отстаивать национальную свободу. Он в одиночку ведет борьбу за независимость и счастлив только тогда, когда своей рукой сбрасывает в воду флаг Англии. В этой двойственности особая притягательность образа. Благородный пират – что может быть романтичнее?

Литература

Бальзак об искусстве / Сост. В. Р. Гриб. – М.; Л.: Искусство, 1941. – 527 с.

Белинский В. Г. Bravo, или Венецианский бандит, исторический роман. Сочинение Я. Ф. Купера // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – Т. 3: Статьи и рецензии; Пятидесятилетний дядюшка: 1839–1840. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 158–160.

Белинский В. Г. Путеводитель в пустыне, или Озеро-море. Роман Джемса-Фенимора Купера... // http://azlib.ru/b/belinskij_w_g/text_2160.shtml
(http://azlib.ru/b/belinskij_w_g/text_2160.shtml)

Боброва М. Н. Джеймс Фенимор Купер: Очерк жизни и творчества. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967. – 212 с.

Вайскопф О. Новый свет в литературе // <http://www.jamescooper.ru/content/view/8/469/>
(<http://www.jamescooper.ru/content/view/8/469/>)

Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. – М.: Захаров, 2003. – 960 с.

Горький Максим. Собрание сочинений: В 30 т. – Т. 24: Статьи, речи, приветствия (1907–1928). – М.: Худ. лит., 1953. – 575 с.

Иванько С. С. Фенимор Купер. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 267 с. – (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 713).

Кашкин И. Купер // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. 5. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1935. – С. 737–743.

Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков (из ленинградских рукописных собраний) / Под ред. акад. М. П. Алексеева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 380 с.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 года: В 3 т. – Т. 2: Революция романтизма в Америке (1800–1860). – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 591 с.

Санд Жорж. Леоне Леони // <http://lib.ru/INOOLD/SAND/leoni.txt>
(<http://lib.ru/INOOLD/SAND/leoni.txt>)

Скотт В. Дневники // Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. – Т. 20. – М.; Л.: Худ. лит., 1965. – С. 694–724.

Староверова Е. В. Американская литература. Фронтир и индейцы. Роман Дж. Фенимора Купера «Последний из могикан» и проза коренных американцев // <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/staroverova-amerikanskaya-literatura/frontir-i-indejcy.htm> (<http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/staroverova-amerikanskaya-literatura/frontir-i-indejcy.htm>)

Твен Марк. Литературные грехи Фенимора Купера // http://lib.ru/INPROZ/MARKTWAIN/r_kuper.txt
(http://lib.ru/INPROZ/MARKTWAIN/r_kuper.txt)

Шейнкер В. Н. Исторический роман Фенимора Купера, его истоки и своеобразие: Учеб. пособие. – Иваново, 1980. – 62 с.

Antropologia kultury: Zagadnienia i wybor tekstow / Pod red. Andrzeja Mencwela. – Cz. 1. – Warszawa: WUW, 2005. – 488 s.

Conrad Joseph. Tales of the Sea // <http://www.online-literature.com/conrad/notes-life-and-letters/8/> (<http://www.online-literature.com/conrad/notes-life-and-letters/8/>)

Cooper Susan Fenimore. Introductions to Novels by James Fenimore Cooper. The Red Rover (1828) // <http://external.oneonta.edu/cooper/susan/susan-rover.html>
(<http://external.oneonta.edu/cooper/susan/susan-rover.html>)

Crawford J. James Fenimore Cooper and his Family in Samuel Finlay Morse's Painting: The Gallery of the Louvre // <http://external.oneonta.edu/cooper/articles/suny/2003suny-crawford.html>
(<http://external.oneonta.edu/cooper/articles/suny/2003suny-crawford.html>)

James Fenimore Cooper: The Critical Heritage / Ed. by George Dekker, John P. Williams. – L.: Routledge, 1997. – 299 p.

Lounsbury Thomas R. James Fenimore Cooper. 1882 // <http://www.gutenberg.org/files/19463/19463-h/19463-h.htm>
(<http://www.gutenberg.org/files/19463/19463-h/19463-h.htm>)

Memorial of James Fenimore Cooper. – N. Y.: J. P. Putnam, 1852. – 106 p.

Глава I

Пар. Пусть Марс примет вас в число своих любимчиков.

Шекспир. Конец – делу венец

Кто знаком с суматохой и деятельностью торговых городов Америки, тот не узнал бы ныне в тихом порту Род-Айленда той гавани, которая в дни своего процветания считалась одним из самых значительных портов на всем нашем обширном побережье. На первый взгляд кажется, что природа будто нарочно создала этот порт, чтобы удовлетворить нужды и осуществить желания моряка. Благодаря четырем большим преимуществам – хорошему географическому положению, спокойным водам, свободному доступу и удобному рейду – наши предки-европейцы считали, что Ньюпорт предназначен служить единственным убежищем для кораблей и поставлять флоту целую расу опытных и умелых моряков. Последнее предположение отчасти оправдалось, но зато действительность развеяла ожидания относительно первого. Счастливый соперник появился в непосредственном соседстве с этим избранным природой местом, чтобы провалить все коммерческие расчеты и лишний раз доказать, что человеческая мудрость – это безумие.

Не много найдется хоть сколько-нибудь значительных городов на наших обширных землях, которые так мало изменились бы за полстолетия, как Ньюпорт. Еще прежде, чем полностью стали использоваться огромные природные богатства страны, прекрасный остров, на котором расположен этот город, избрали своим местопребыванием многие плантаторы Юга, пришедшие в поисках убежища от жары и болезней, от знойного климата, в стремлении подышать укрепляющим здоровье морским воздухом. Жители Каролины и Ямайки, подданные одного и того же государства, дружески объединились, чтобы сравнить свои права и обычаи.

Такие сравнения отразились на простых и неопытных потомках пуритан со всеми своими дурными и хорошими последствиями. Местные жители заимствовали некоторую мягкость манер, отличавшую колонистов южных английских колоний, но в свою очередь привили пришельцам свои особые воззрения на различие человеческих рас.

Род-Айленд был первой провинцией Новой Англии, отрешившейся от простоты нравов и традиций ее основателей. Она первая нанесла удар по резким и грубым манерам, которые некогда считались признаками истинной веры, внешней порукой внутренних достоинств человека; она первая резко отвернулась от спасительных принципов, которые могли бы заставить извинить еще более грубые нравы. По странному стечению обстоятельств, столь же несомненному,

сколь и необъяснимому, негоцианты Ньюпорта сделались одновременно и работоторговцами, и джентльменами, и торговля рабами началась именно с того времени, как нравы стали утонченнее.

Однако каково бы ни было моральное состояние жителей в 1759 году, сам остров никогда не был более цветущим и красивым. Гордые вершины еще были увенчаны лесами, старыми, как мир; маленькие долины покрыты цветущей зеленью Севера; простые, но чистые и удобные деревенские домики украшены богатыми коврами из цветов. Красота и плодородие этого края дали ему заслуженное имя, выражавшее больше, чем думали поначалу: местные жители назвали свои владения «Садом Америки», и их гости с жгучих южных равнин согласились с этим названием. Это гордое название сохранялось до нашего времени, до тех пор, пока здесь можно было любоваться прекрасными многочисленными долинами и густыми тенистыми лесами.

Год, названный нами, был замечательной эпохой британского могущества на этом континенте. Кровавая, жестокая война, начавшаяся неудачами и поражениями, заканчивалась триумфом. Франция лишилась последнего своего владения на материке, между тем как огромная территория от Гудзонова залива до земель Испании подпала под власть Англии. Жители колоний сильно содействовали успехам своего отечества. Первоначальные потери и поражения забывались в упоении успехом.

Ошибки Брэддока, небрежность Лаудона, бездарность Эберкромби – все было заглажено мужеством Эмерста и гением Вулфа. Во всех уголках земного шара торжествовала английская армия. Верные колонисты являлись самыми пламенными энтузиастами и шумно проявляли свои восторги, несмотря на ту ничтожную долю славы, которую им уступал могущественный народ, и уступал с пренебрежением: любовь к славе, как и скупость, по-видимому, возрастают по мере их удовлетворения.

Система угнетения и тирании, ускорившая неизбежное рано или поздно разделение, еще не была применена на практике. Родина-мать, за отсутствием справедливости, проявляла по крайней мере снисходительность. Как все древние и могущественные нации, она предалась приятному, но опасному удовольствию – любоваться собой. Достоинства и заслуги расы, на которую смотрели в Англии как на низшую, были забыты, а если их и вспоминали, то только для того, чтобы унижить, представляя в ложном свете. К этому добавлялись и политические разногласия, а все вместе вызывало недовольство,

приводило к новым несправедливостям и ошибкам. Люди, которых опыт должен был бы сделать благоразумнее, не стеснялись проявлять, даже в высшем национальном учреждении, свое полное невежество относительно характера народа, с которым в сражениях вместе проливали кровь. Под влиянием развившегося высокомерия ветераны войны унижали свое благородное звание глупым самовосхвалением, недостойным даже примитивного слуги. Под этим низменным влиянием тогда же Бергойн дал в палате общин известное обещание пройти от Квебека до Бостона с названным количеством солдат; он, правда, сдержал впоследствии свое обещание, пройдя это расстояние с вдвое большим числом людей, но только товарищей по плену. Наконец, под этим же самым влиянием Англия бездумно принесла в жертву сто тысяч человек и растратила миллионы из своих сокровищ.

История этой памятной борьбы знакома каждому американцу. Осознав, что его отечество победило, он отводит этой победе достойное место в истории. Теперь он видит, что власть его родины покоится на прочных и естественных основах, и, для спокойствия своей совести, так же как и для утверждения своего достоинства, он понимает, что благоденствие республики не должно покупаться ценой унижения соседних наций.

Наша тема уводит нас в эпоху тишины, предшествовавшей буре революции.

В первых числах октября 1759 года Ньюпорт, как и другие города Америки, предавался одновременно и радости, и печали. Жители оплакивали смерть Вулфа и в то же время торжествовали его победу. Квебек, ключ Канады и последний значительный пункт, находившийся в руках народа, на который колонисты с детства смотрели как на врага, только что переменял своих хозяев. Верность английской короне, претерпев массу бедствий, тогда особенно укрепилась: не было ни одного колониста, не считавшего делом чести призрачную славу Брауншвейгской династии.

День, с которого начинается наша история, как и тысяча дней потом, огласился колокольным звоном и пушечными выстрелами по случаю победы королевского оружия. С раннего утра население высыпало на улицы с явным желанием повеселиться, желанием, которое обычно не приводит к истинному удовольствию. Оратор излил все свое красноречие, произнес речь в честь павшего героя, и убедительно выразил свою преданность короне, униженно повергнув к подножию трона славу не только этой жертвы долга, но и тысяч других храбрых соратников, павших вместе с победителем.

Народ, удовлетворенный таким проявлением верности, стал расходиться по домам. Солнце склонялось к широким просторам, тогда еще пустынным и диким, а нынче плодородным и изобилующим всеми благами цивилизации. Жители окрестных деревень и гости возвращались в свои далекие жилища, руководствуясь своей расчетливостью, характерной для местных обывателей: даже в минуты, когда они, похоже, беззаветно предаются веселью, не забывают, что наступающий вечер вовлечет их в лишние расходы, которые они не считали необходимыми для выражения своих чувств в этот день. Одним словом, возбуждение улеглось, и все возвращались к своим обычным занятиям с обязательностью, показывающей, что они и так много времени потратили на выражение своих чувств.

В городе снова стали раздаваться удары молота, топора, шум пилы. Окна некоторых лавок были полуоткрыты, как будто их владельцы заключили некий компромисс между своими интересами и своею совестью. Можно было видеть, как хозяева трех гостиниц, единственных в городе, стояли у своих дверей, провожая уходивших крестьян взглядами, явно демонстрирующими их желание привлечь клиентов, всегда более готовых скорее продать, чем купить. Однако лишь несколько праздных матросов со стоящих на якоре кораблей да еще небольшая группа завсегдатаев кабаков откликнулись на их дружеские кивки, вопросы о здоровье жен и детей и, наконец, прямые приглашения.

Народ, живущий в так называемых провинциях Новой Англии, отличался тем, что он был полностью поглощен повседневной жизнью, а также заботой о будущем.

Однако великое событие дня еще не было забыто, хотя праздно болтать о нем за бутылкой никто не стремился. Прохожие собирались в группы на улицах, толковали о политических результатах великого национального события и делились впечатлениями о тех, кто играл днем главные роли. Все согласились, что благодарственные молитвы были искренни и безупречны. Большинством голосов было решено, что речь, которую можно назвать исторической, столь же изящна, сколь и поучительна; хотя это мнение и встретило некоторое возражение со стороны клиентов одного адвоката, выступавшего против оратора. В общем все согласилось с тем, что никогда ни из чьих уст не прозвучала речь более красноречивая, чем произнесенная сегодня в их присутствии. Это напоминало разговор рабочих о корабле, построенном в их порту: по своей провинциальной восторженности, стремящейся обессмертить здания и даже некоторых людей в пределах их местности, они называли этот корабль драгоценнейшим образцом самых совершенных пропорций морского

кораблестроения.

Но, может быть, необходимо сказать несколько слов и о самом ораторе, чтобы этот мудрец – столь замечательное чудо ума – занял свое место среди великих людей описанного дня. Он был обычным оратором во всех случаях, когда возникала необходимость обсудить какое-нибудь великое событие вроде того, о котором мы только что рассказали. Его образованность справедливо считали самой высокой по сравнению с другими, его репутация, его слава была подобна жару в печи, накал которого тем более, чем меньше печь. Утверждали, и не без основания, что своими знаниями он поразил многих европейских ученых, пожелавших состязаться с ним на арене древней литературы. Это был человек, умевший извлекать величайшую пользу из своих необычных дарований. В одном только случае он едва не поколебал завоеванную репутацию, позволив напечатать один из образцов своего красноречия или, как выразился более остроумный, чем удачливый, его соперник (единственный, кроме него, адвокат в городе), допустив «поймать на лету» одну из крылатых его речей. Но даже и это испытание, каковы бы ни были где-то его последствия, послужило укреплению его славы оратора. Эта речь создала ему своего рода ореол, и напрасны были попытки некоторых интриганов противостоять этому.

Брошюра была разослана по провинциям, читалась на вечерах, превозносилась до небес в общественном листке каким-то сочувственным пером, причем стиль статьи поразительно напоминал стиль оратора, и, наконец, благодаря рвению одного из приверженцев оратора, более пламенного или, возможно, более других убежденного, была отправлена на борт корабля, отправлявшегося к дорогому очагу, как нежно называли тогда Англию, в конверте, адресованном ни более ни менее как английскому королю.

Неизвестно, какое впечатление произвела эта брошюра на суровый ум догматичного немца, занимавшего тогда трон победителя, но те, кто был посвящен в тайну этой отправки, долго тщетно ожидали награды за столь выдающееся произведение человеческого разума.

Несмотря на замечательные качества, тот, кто был одарен ими, по своей должности выполнял работы, чрезвычайно похожие на обязанности общественного писца, и исполнял их с таким самозабвением, что казалось, будто природа, одарив его столь редкими дарами, не прибавила к ним даже обычной дозы самолюбия.

Оставляя этого баловня судьбы, перейдем теперь к совершенно иному человеку и в другой квартал города. Место, куда мы перенесем читателя, не что иное, как лавка портного, который сам выполнял мельчайшие обязанности, связанные с его ремеслом, и был у себя единственным работником. Убогое жилище высилось вблизи моря, на окраине города и на таком месте, что его владелец мог созерцать всю красоту внутренней бухты и даже через открытый проток между островами ее поверхность, спокойную, как озеро. Узкая и малолюдная набережная расстилалась перед его дверьми. Здесь же находилась маленькая пристань, куда редко причаливали суда, место настолько запущенное, что о торговом процветании порта говорить не приходилось.

Послеобеденное время было похоже на осеннее утро: морской ветерок, слегка рябивший поверхность воды, имел ту особенную мягкость, которой так часто отличается осень в Америке. Достойный ремесленник работал, сидя у открытого окна за своим верстаком, и казался довольнее многих людей, которых судьба одаряет бархатом и золотом. Снаружи, опираясь плечом о стену, стоял фермер, высокого роста, неуклюжий, но сильный и хорошо сложенный. По-видимому, он ожидал одежду, которую шил портной и которой он предполагал украсить свою грациозную фигуру на ближайшем празднике в соседнем приходе.

Желая скоротать время ожидания, а быть может, просто желая поболтать, они беспрестанно обменивались словами. Поскольку их разговор имел прямое отношение к основной теме нашего повествования, мы позволим себе привести его наиболее существенную часть. Заметим, что портной был уже старик, приближавшийся к закату своих дней, и, судя по внешности, ему удавалось одолевать свою нищету только тяжелым трудом и крайней бережливостью.

– Да, – произнес неутомимый закройщик, со вздохом, в котором слышалась не то усталость, не то удовлетворение, – да, редко выходили из человеческих уст слова более прекрасные, чем произнесенные сегодня сквайром. Когда он говорил о долинах праотца Авраама, о дыме и громе сражения, мой дорогой Пардон^[1 - Пардон (англ.) – милость, прощение, спасение души.], он до того меня взволновал, что мне действительно могла бы прийти в голову мысль оставить иголку и отправиться искать славу под знаменами короля.

Молодой человек, имя которого было выбрано его благочестивыми родителями как выражение их надежд на будущее, повернул голову к героическому портному, с насмешливым выражением в глазах, доказывающим, что он щедро наделен юмором, которому старался не давать воли благодаря воспитанию и

сдержанности:

– Теперь как раз самое время проявить себя честолюбивому человеку, сосед Хоумспан, ведь его величество только что потерял храбрейшего из своих генералов.

– Да, да, – ответил портной, – это удобный и прекрасный случай для того, кому не более двадцати пяти лет. Но мне, прожившему уже большую часть своей жизни, мне надо провести ее остаток там, где вы меня видите. Кто красил вашу материю, Парди? Красивее я ничего не шил этой осенью.

– Моя матушка знает в этом толк. Ручаюсь, сосед Хоумспан, что на всем острове не будет малого, одетого лучше, чем сын моей матери. Но так как вы, приятель, уже не станете генералом, то можете утешиться тем, что без вас и сражаться не будут. Все согласны с тем, что французы долго не продержатся, и мы готовимся заключить мир.

– Тем лучше, тем лучше, молодой человек. Кто, как я, видел ужасы войны, – а я, слава Богу, видел их со всех сторон, – тот умеет оценить блага мирной жизни.

– Так вам, значит, не совсем чуждо, приятель, то дело, за которое подумывали взяться?

– Я? Я перенес пять долгих и кровопролитных войн и, благодарение Богу, могу сказать, вышел из них довольно счастливо, потому что не получил царапины, даже такой, какую можно сделать этой иглой. Да, это были долгие, кровопролитные войны и, смею сказать, славные войны, из которых я вышел здоровым и невредимым.

– Это было, видимо, время очень опасное для вас, сосед; но мне помнится, что я за всю свою жизнь слышал не более как о двух войнах с французами.

– Вы ребенок по сравнению с человеком, пережившим свой шестидесятый год. Сначала эта война, которая, по-видимому, близится теперь к концу. Потом дело тысяча семьсот сорок пятого года, когда наши побережья по всем направлениям прошел храбрый Уоррен – бич врагов его величества и защитник всех его верноподданных. Потом дело в Германии, о котором вы слышали страшные рассказы и где люди падали, как трава под серпом, управляемым сильной рукой.

Это три. Четвертой была революция тысяча семьсот пятнадцатого года, но я не много скажу об этом, так как мало видел, я был слишком юн в ту пору. Пятая – это ужасный слух, распространившийся в провинциях, о поголовном восстании негров и индейцев, которое поставило своей задачей отправить в вечность всех христиан[2 - Портной, хвастаясь, смешивает события, происходящие в разных странах в разное время.].

– Ей-богу! Я всегда смотрел на вас как на мирного человека и домоседа! – воскликнул удивленный фермер. – Мне никогда не приходило в голову, что вы были свидетелем таких серьезных событий.

– Да я и не хотел хвастаться, Пардон, иначе мог бы прибавить к этому и другие важные дела. Была великая война на востоке, не далее как в тысяча семьсот тридцать втором году, за персидский престол. Слышали вы что-нибудь о законах мидян и персов? Эти законы шли от того престола, из-за него и велась ужасная война. Но это не в христианском мире, хотя я мог бы еще рассказать о мятеже Портеуса.

– Выходит, вы много путешествовали?

– Да, да, я достаточно попутешествовал, Парди! Я два раза по суше ездил в Бостон и раз проплыл большой пролив Лонг-Айленд, чтобы сойти в городе Йорке. Это последнее предприятие очень опасно, потому что надо проходить место, схожее своим именем с Тафетом.

– Я часто слышал о месте, называемом Адскими Воротами, и могу прибавить, что отлично знаю одного человека, два раза прошедшего через них: один раз, когда он направлялся в Йорк, другой раз – когда возвращался из Йорка.

– А он говорил вам об огромном Котле, который кипит и рычит, как будто сам Вельзевул подкладывает под него огонь? А про Кабанью Спину, где вода поднимается, как на великих водопадах Запада? Только благодаря хладнокровию и ловкости наших моряков и редкой смелости пассажиров мы прошли это место благополучно. Но пройти там – огромное испытание для человека. Мы бросили там якорь недалеко от берега, и капитан с двумя матросами отправились на катере выяснить, нет ли волнения в проливе. Оказалось, все в порядке – пассажиров высадили на берег, а судно обошло водоворот. Мы тогда порадовались, что вся община молилась за нас перед тем,

как мы покинули мирные жилища.

- Вы прошли Адские Ворота пешком? - спросил внимательно слушавший фермер.

- Конечно! Поступать иначе - значило бы богохульствовать и искушать судьбу самым нечестивым образом. Но опасность прошла, как пройдет, я надеюсь, эта кровопролитная война, в которой мы оба участвовали, и тогда, я думаю, его величество, милостивый король, обратит свои августейшие мысли на пиратов, оскверняющих побережье, и прикажет своим храбрым капитанам подвергнуть разбойников тому, чему они любят подвергать других. То-то будет радостное зрелище для моих слабых глаз, когда этого знаменитого Красного Корсара, так долго преследуемого, потащат в этот самый порт на буксире королевского корабля!

- Так разбойник, о котором вы говорите, очень опасен?

- Он? Да не он один на этом контрабандном корабле, а все они до последнего корабельного юнги жаждут крови и грабежа. Это настоящее горе, истинный ужас, Парди, слушать рассказы об их разбоях в королевских водах.

- Я часто слышал о Корсаре, - ответил фермер, - но никогда не слышал подробностей о его разбоях.

- Как бы вы могли, молодой человек, живя внутри страны, знать то, что происходит на огромном океане, так же хорошо, как знаем это мы, жители порта, где столько моряков? Но я боюсь, что вы слишком поздно вернетесь домой, Парди, - прибавил он, глядя на черточки, сделанные на стене его лавочки, по которым он определял время. - Только что пробило пять часов, а вам предстоит пройти миль десять, прежде чем удастся достигнуть ближайшего поля вашего отца.

- Путь не труден и народ честный, - ответил фермер, готовый оставаться хоть до полуночи, лишь бы узнать, а потом принести домой несколько страшных историй о морских разбоях и рассказать о них тем, кто обязательно зайдет к нему и поинтересуется новостями из портового города.

- Правда ли, что его так боятся и так разыскивают, как говорят?

– Разыскивают! Разве христиане просят в молитвах о том, как войти в ад? Мало найдется на всем огромном океане моряков, будь они так же храбры на войне, как Иисус Навин, великий еврейский полководец, которые не предпочли бы скорее ступить на твердую землю, чем увидеть паруса этого проклятого пирата, способного взорвать и друзей, и врагов. Люди готовы биться ради славы, но никто не хочет встретить врага, который при первом пушечном выстреле поднимет свой флаг и уничтожит и врагов, и себя, если убедится, что сатана ему больше не помогает.

– Если разбойник так опасен, – возразил молодой человек, гордо распрямляя свои могучие плечи, – то почему жители острова и плантаторы не пошлют какой-нибудь прибрежный корабль, чтобы привезти его сюда и он мог насладиться спасительным видом виселицы? Ручаюсь, что на их призыв хоть один человек да откликнется.

– Вот слова человека, никогда не видавшего войны! Что твои цепи и вилы против людей, продавших душу дьяволу? Корсара часто видели ночью или во время заката рядом с крейсерами его величества, которые, окружив разбойников, не сомневались, что уже держат их в цепях, но когда наступал день, оказывалось, что птичка уже улетела, черт знает как!

– И эти разбойники так кровожадны, что их прозвали «Красными»?

– Так называют их главаря, – ответил достойный портной, гордый оттого, что знал столь замечательную легенду, – так же называют и его корабль. Все, кто побывали на его борту, другого названия не слышали. Корабль имеет размеры королевского шлюпа и походит на него и видом, и оснасткой. Но он будто чудом ускользал не от одного блестящего фрегата, а однажды, – но об этом говорят только шепотом, потому что ни один верноподданный не осмелится громко рассказать о таком скандальном случае, – он целый час находился под огнем пятидесятипушечного корабля и, казалось, на глазах у всех пошел на дно. Однако, когда все пожимали друг другу руки и поздравляли друг друга с таким удачным наказанием разбойников, в порт вошел корабль из восточной Индии, ограбленный Корсаром на следующее утро после той самой ночи, когда все думали, что он со всей своей командой отправился в вечность. Но что еще хуже, так то, что когда королевский корабль ремонтировали и законопачивали дыры от пушечных выстрелов, Корсар курсировал вдоль побережья, целый и невредимый, как будто он только в этот день вышел с верфи!

– Ну! Это неслыханно! – воскликнул собеседник, на которого рассказ произвел заметное впечатление. – А действительно ли это настоящий корабль с настоящей командой? И вправду ли он так красив?

– Мнения здесь расходятся: одни говорят – да, другие – нет. Но я прекрасно знаю человека, плававшего целую неделю в обществе моряка, который однажды, унесенный шквалом, пронесся в ста футах от пиратского корабля. Знакомый моего друга отлично видел и корабль, и его капитана, не подвергаясь ни малейшей опасности. Он рассказывал, что пират высокого роста, с волосами цвета солнца в тумане и с глазами, в которые ни один человек не захотел бы взглянуть второй раз. Он видел его так же хорошо, как я вас, потому что разбойник стоял на палубе корабля, подавая честному купцу рукой, такой же широкой, как пола кафтана, знаки, чтобы предостеречь его от столкновения двух судов.

– Однако, должно быть, этот купец бесстрашен, если осмелился так близко подойти к такому безжалостному разбойнику!

– Уверяю вас, Пардон, это случилось против его воли; к тому же ночь была так темна...

– Темна! – прервал тот. – Как же он успел так хорошо разглядеть разбойника?

– Этого никто не мог бы объяснить, – ответил портной, – тем не менее он хорошо видел все то, что я сказал. Даже более того, он хорошо рассмотрел корабль, чтобы узнать его, если случай или Провидение снова сведет их. Это длинное темное судно, лежащее на воде, как змея в траве, и имеющее дьявольски преступный и разбойный вид. Кроме того, все говорят, что он, по-видимому, плывет быстрее облаков, невзирая на то, с какой стороны дует ветер, и уйти от него так же трудно, как дожидаться пощады. Судя по тому, что говорили о нем, он имеет некоторое сходство с невольничьим судном, бросившим якорь в нашей бухте на прошлой неделе бог знает зачем!

В то время как болтливый портной снова усиленно принялся за свою работу, чтобы наверстать потерянное время, фермер, голова которого была всецело занята только что услышанным, устремил взгляд на невольничий корабль, чтобы по возможности дополнить подробностями интересную историю.

Наступил перерыв в их разговоре, в продолжение которого каждый был занят своим делом. Молчание внезапно нарушил портной. Оборвав нитку от законченного костюма Пардона, он отбросил все на верстак, поднял на лоб очки и, опустив руки на ноги, высунулся в окно, устремив свой взгляд на корабль, который все еще упорно рассматривал его собеседник.

– Знаете ли, Парди, – сказал он, – какие странные мысли, какие ужасные подозрения пришли мне в голову насчет этого корабля? Говорят, что это невольничий корабль и пришел сюда за водой и дровами, но вот уже неделя, как он там, и я готов умереть, если туда перенесли хоть одну щепку; что же касается воды, то я вам отвечаю, что на одну каплю воды у них приходится десять капель ямайского рома. Да и вы видите, что он остановился в таком месте, где только одна пушка из всей артиллерии может его поразить. Если бы это был действительно мирный торговый корабль, то он, боясь Корсара, стал бы под прикрытием всех пушек порта.

– Вы очень наблюдательны, приятель, – изумился фермер. – Если бы корабль стоял под всей батареей у самого острова, я и тогда ничего не заметил бы.

– Это привычка и опытность, Пардон, делают из нас людей. Должен же я понимать кое-что в артиллерийском деле, я, который видел столько войн и даже служил целую неделю в этом самом порту, когда распространился слух, что французы послали флот курсировать вдоль побережья. Я исполнял обязанности часового у этой самой пушки и двадцать раз поворачивал ее во все стороны, чтобы узнать направление, по которому последует выстрел, если бы, не дай бог, пришлось открыть огонь из пушки, заряженной боевыми ядрами.

– А кто эти люди? – спросил Пардон с наивным любопытством, пробудившимся у него под влиянием необыкновенных рассказов портного. – Это матросы с невольничьего корабля или ньюпортские бездельники?

– Эти? – вскричал портной, глядя на небольшую группу, на которую указывал фермер. – Это наверняка вновь прибывшие, и, может быть, не мешало бы рассмотреть их поближе в эти тревожные времена. Голя! Возьми это платье и хорошенько прогладь швы, лентяйка: сосед Гопкинс торопится, а твой язык болтается, как язык молодого адвоката в суде. Не жалея своих рук, девица, это не кисею гладить, а материю, которая выдержит дом.

Поручив таким образом оставшуюся работу служанке, недовольной тем, что для исполнения его приказа она вынуждена была прекратить болтовню с соседом, он поспешно вышел из лавочки, сильно прихрамывая, – он хромал с самого рождения – и оказался на улице. Но так как мы готовимся представить читателю наиболее важных действующих лиц, то позволим себе отложить их появление до следующей главы.

Глава II

Сэр Тоби. Отлично! Я уже чую, в чем дело.

Шекспир. Двенадцатая ночь

Иностранцев было трое, а это действительно были иностранцы, как сказал на ухо своему спутнику добряк Хоумспан, знавший не только имена, но даже подробности личной жизни и мужчин, и женщин, живших на десять миль в округе; итак, это были иностранцы, притом таинственного и угрожающего вида. Чтобы оценить справедливость такого заключения, нужно поподробнее описать внешность этих людей, имевших несчастье быть неизвестными болтливому ньюпортскому портному.

Один, наиболее важный из них, был молодой человек лет двадцати шести или двадцати семи. Годы его жизни состояли не из тихих дней и спокойных ночей, о чем свидетельствовали темные борозды на его лице, придавшие белой от природы коже оливковый цвет; тем не менее лицо его дышало здоровьем. Черты его больше отличались благородством и выразительностью, чем правильностью и симметрией. Быть может, его нос и не был слишком правильным, но было что-то мужественное в очертании лица, что вместе с резко очерченными бровями придавало ему выражение интеллигентности, характерное теперь для американцев. Его рот был твердо очерчен. Волосы, черные, как агат, в беспорядке падали на его плечи густыми кудрями. Глаза, несколько больше обычных, отличались изменчивым выражением, скорее кротким, чем строгим.

Молодой человек обладал тем счастливым сложением, в котором соединяются сила и ловкость. Хотя его привлекательная фигура скрадывалась под грубой одеждой простого моряка, аккуратной и чистой, все же она была достаточно

внушительной, чтобы заставить подозрительного портного удержаться от разговора с иностранцем, который, как зачарованный, не отрываясь, смотрел на предполагаемое невольничье судно. Портной не осмелился нарушить его глубокую задумчивость и повернулся, чтобы рассмотреть двух других спутников молодого человека.

Один из них был белый, другой – негр. Оба они были уже в пожилом возрасте и, судя по внешности, не раз перенесли и перемены климата, и бесчисленные бури. Их поношенные костюмы, в смоле и других пятнах, свидетельствовали о том, что они принадлежат к простым матросам.

Первый был низкого роста, коренастый, но сильный; сила его заключалась в широких плечах и крепких, сильных руках, как будто нижняя часть его тела была предназначена лишь для передвижения верхней туда, где ей придется развернуть свою энергию. У него была огромная голова, низкий, почти заросший волосами лоб, маленькие глазки, очень живые и упрямые, обычный толстый красноватый нос и большой жадный рот, мелкие белые зубы, очень крепкие, широкий подбородок, мужественный и даже выразительный. Этот человек сидел, скрестив руки, на пустой бочке и рассматривал упоминавшийся невольничий корабль, достаивая время от времени негра своими замечаниями, подсказанными наблюдательностью и опытом.

Негр занимал место ниже, более соответствующее его привычной покорности. Заметное сходство между ним и его спутником проявлялось в общем облике и в более мощной верхней половине туловища. Правда, негр был выше и более пропорционально сложен. Черты его лица были выразительнее, чем обычно у негров; его глаза были веселы и порой насмешливы; голова начинала седеть; кожа потеряла блестящий матовый блеск юности; все его члены и движения выдавали в нем человека, закаленного изнурительным трудом. Негр сидел на камне и, казалось, был погружен в свое занятие: он бросал в воздух маленькие раковины и очень ловко ловил их той же рукой. Эта игра свидетельствовала о склонности к наивным развлечениям, а также о его физической силе: для удобства он засучил рукава по локоть, обнажив мускулистую руку, которая могла бы служить моделью для руки Геркулеса.

В обоих матросах не было ничего такого, что могло бы насторожить человека, так подстрекаемого любопытством, как наш портной. Но, вместо того чтобы перейти к делу, портной захотел показать своему спутнику, как надо вести себя в подобных случаях, и представить ему поразительное доказательство своей

проницательности, которой он так гордился.

Подав предостерегающий знак, портной тихо, на цыпочках, подкрался к матросам на такое расстояние, чтобы можно было подслушать, если у кого-нибудь из них вырвется секрет. Его предусмотрительность не принесла, однако, значительных результатов. Он узнал не более того, что мог бы узнать, просто услышав их голоса. Что касается самих слов, то, хотя добряк и не сомневался, что речь идет о предательстве, все же он вынужден был сознаться, что это предательство достаточно хорошо скрыто, чтобы ускользнуть от его проницательности. Мы позволим читателю самому судить о справедливости этих заключений.

– Вот, Гвинея, – сказал белый, скручивая табак и запихивая его в рот, – прекрасное место, где должно быть очень приятно видеть свой корабль. Я могу сказать, не хвастаясь, что нечто понимаю в морском деле, но пусть меня возьмет сам черт, если я понимаю философию капитана, который оставляет свой корабль в наружном бассейне, когда через какие-нибудь полчаса он мог быть бы в мельничном озере.

Негр носил имя Сципиона Африканского, данное ему по тому свойственному провинциям остроумию, по которому провинциалы пополняли самые низшие классы общества представителями, по крайней мере по имени, философов, поэтов и героев Рима. Негру было совершенно безразлично, где стоит корабль, и он ответил:

– Я предполагаю, у него есть на это свои основания.

– Я говорю тебе, Гвинея, – возразил его собеседник резким и авторитетным тоном, – что он ничего не смыслит. Если бы он хоть что-нибудь понимал в управлении кораблем, он не оставил бы свой корабль на рейде, имея полную возможность воспользоваться такой бухтой.

– Что ты называешь рейдом? – прервал негр, с жадностью невежества подхватывая незначительную ошибку своего противника, смешавшего внешний бассейн Ньюпорта с открытой якорной стоянкой. – Я никогда не слышал, чтобы называли рейдом якорную стоянку, окруженную со всех сторон землей!

– Послушай-ка ты, мистер Золотой Берег, – пробормотал белый, наклоняя к нему голову с угрожающим видом, – если ты не хочешь, чтобы я целый месяц ломал твои кости, то лучше брось эти шутки. Скажи мне только одно: разве порт – не порт и море – не море?

Поскольку сам Сципион не мог оспаривать этих положений, то он благоразумно удержался от опровержения. Он удовлетворился тем, что с довольным видом покачал головой, от чистого сердца наслаждаясь мнимым триумфом над своим противником, как будто он никогда не знал забот, никогда не подвергался унижениям и оскорблениям, так долго и так терпеливо переносимым.

– Да, да, – ворчал белый, принимая свою первоначальную позу и скрещивая руки, которыми он взмахнул, чтобы придать больше веса своей угрозе. – Ты напрасно разорался и думаешь, что умнее тебя никого нет! Бог создал черномазого неразумным животным. Опытный матрос, как я, объехавший два мыса, может оказаться в чистом проигрыше, давая урок такому животному, как ты. Я скажу тебе, Сципион, так как под этим именем ты записан в корабельной книге, хотя, уверен, папаша твой звался Куоши, а мамаша – Куошеба, – это самое подходящее для черномазых имя, – пришел этот корабль по делу или нет. Если нет – я молчу; если же по делу, то ему было бы гораздо удобнее расположиться в порту, ведь стать ближе не труднее, чем принести сюда капитанскую подушку. Так? Теперь, если ты можешь что-либо возразить, я готов тебя выслушать как разумный вежливый человек.

– Ветру стоит только подуть с той стороны, – ответил негр, указывая своей сильной рукой на северо-запад, – и корабль пойдет в море быстро, быстро. А хватит ему места, чтобы пройти у берега против ветра? Что, мистер Дик? Вы человек ученый, но вряд ли видели, чтобы корабль сам шел к ветру, как и не слышали, чтобы говорила обезьяна.

– Черный прав, – воскликнул молодой человек, который, по-видимому, слышал весь спор, хотя казался погруженным в свои мысли, – капитан невольничьего корабля остался во внешнем бассейне, зная, что в это время года почти всегда дует северо-западный ветер. И, похоже, людей у него достаточно. А теперь скажите мне, друзья, имеет ли он якорь под килем или держится на простом канате?

– Только неумеха может стоять на одном якоре при таких приливах, не заведя станового якоря, – быстро ответил белый, основываясь, вероятно, на своем

богатом опыте. – Даже если он не умеет выбрать стоянку, закреплять корабль на одном якорю никто не решится, чтобы метаться с места на место, как тот жеребенок, который брыкался, привязанный к дереву длинной веревкой, которого мы видели по дороге из Бостона.

– Они бросили буксирный якорь и оставили все остальные на своих местах, – сказал негр, глядя своими черными глазами на корабль с видом знатока и продолжая играть камешками. – Они все устроили так, чтобы в случае необходимости поплыть скоро, скоро, когда захотят. А я бы посмотрел, как Дик поскачет на жеребенке, привязанном к дереву...

Негр опять развеселился и от своей фантазии хохотал так, что даже слезы выступили у него на глазах, а белолицый его товарищ все еще что-то внушал ему с угрозами. Молодой человек, видимо, вовсе не интересующийся спорами между своими спутниками, внимательно, с большим интересом всматривался в корабль. Когда негр умолк, он очень серьезно, будто решил наконец что-то для себя, сказал:

– Да, Сципион, ты прав, он стоит на буксирном якорю и держится так, будто готов поднять паруса при первой необходимости. Менее чем за десять минут корабль может быть выведен за пределы досягаемости выстрелов береговой батареи при малейшем попутном ветре.

– Вы, кажется, превосходно разбираетесь в подобных вещах, – произнес сзади них незнакомый голос.

Молодой человек быстро обернулся и только тут заметил пришедших. Но удивился не он один: болтливый портной был так занят слезкой за малейшими движениями двух собеседников, что совершенно не заметил приближения еще одного незнакомого человека.

Это был человек от тридцати до сорока лет; его лицо, как и костюм, не могли не возбудить уже разгоревшееся любопытство добряка-портного. Незнакомец, немного выше среднего роста, несмотря на гибкость, похоже, обладал большой силой. Его кожа, видимо, когда-то белая, как у женщины, не создавала впечатления женственности, так как на фоне темно-красного загара резко обозначались очертания его прекрасного орлиного носа. Белокурые волосы падали со лба обильными, блестящими локонами. Рот и подбородок были

правильны и красивы, но в губах таилось как будто презрительное выражение – вместе то и другое свидетельствовали о чувственности. Взгляд его голубых глаз был мягок, выразителен, но время от времени казался блуждающим. Высокая конусообразная шляпа, надетая несколько набекрень, придавала его лицу нечто залихватское. Светло-зеленый сюртук, кожаные штаны и высокие сапоги со шпорами дополняли его внешний вид. В руках он держал маленькую тросточку, которой помахивал в тот момент, когда был замечен, но, по-видимому, не обратил ни малейшего внимания на удивление, вызванное его внезапным появлением.

– Я говорю, сударь, что вы прекрасно разбираетесь в такого рода вещах, – повторил он, терпеливо выдержав холодный и суровый взгляд молодого моряка, так долго, как это позволяла ему та доля терпения, которой он обладал. – Вы говорите как человек, сознающий за собой право высказывать свое мнение.

– Разве вы находите необыкновенным, что человек обладает некоторыми знаниями в той профессии, которой занимался всю свою жизнь?

– Гм! Я нахожу довольно необыкновенным, что громко называют профессией ремесло, которое я мог бы назвать чисто механическим. Мы, юристы, имеющие отношение к университетским ученым, не могли бы, говоря о себе, использовать другое название.

– Ну и называйте это ремеслом, пусть будет так – моряки не хотят иметь ничего общего с подобными вам учеными, – возразил молодой человек, поворачиваясь к нему спиной с презрением, которое и не старался скрыть.

– Вот малый с характером! – быстро и с многозначительной улыбкой прошептал его собеседник. – Друг, не будем спорить из-за слов. Я признаюсь в своем полном невежестве во всех морских делах и охотно взял бы несколько уроков у такого человека, как вы, столь хорошо изучившего свою благородную профессию. Мне кажется, вы говорили о том, как бросил якорь этот корабль и какая у них проводка такелажа нижних и верхних парусов.

– Нижних и верхних?! – молодой моряк взглянул на собеседника не менее красноречиво, чем перед этим презрительно.

– Нижних и верхних, – повторил незнакомец.

– Я говорил о хорошей проводке наверху, но на таком расстоянии не могу судить о том, что там внизу.

– Выходит, я ошибся. Простите мое невежество, я ведь вовсе несведущ в вашей профессии. Я, как уже сказал, не более чем адвокат на службе его величества, посланный в эти края с особым поручением. Если бы это не была настоящая игра слов, я мог бы прибавить, что в этом я вообще не судья.

– Нет никакого сомнения, что вы скоро достигнете этого высокого звания, – возразил молодой человек, – если министры его величества умеют ценить скромные заслуги и если только вам не придется быть преждевременно...

Молодой человек прикусил губы, высоко поднял голову и стал прогуливаться взад и вперед по набережной в сопровождении двух матросов. Иностранец в зеленом сюртуке спокойно следил за ними глазами, по-видимому, даже с некоторым удовольствием и, казалось, обдумывал, как бы продолжить завязавшийся разговор.

– Повешенным! – сказал он наконец сквозь зубы. – Довольно странно, что этот молодой негодяй осмеливается предсказывать мне подобное возвышение!

Он уже готовился последовать за ними, как вдруг чья-то рука довольно фамильярно опустилась на его плечо, и он вынужден был остановиться. Это был наш друг портной.

– Одно только слово шепну вам, – произнес он, делая выразительный жест рукой с целью показать, что его сообщение чрезвычайно важное, – одно только слово, сударь, коль вы состоите на особой службе его величества. Сосед Пардон, – прибавил он, обращаясь к фермеру с важным и покровительственным видом, – солнце заходит, и я боюсь, что вы слишком поздно вернетесь домой. Девушка отдаст вам ваш костюм, никому не говорите, что видели и слышали. Прощайте, молодой человек. Мой привет отцу, достойному фермеру, не забудьте также добродетельную хозяйку – вашу матушку. До свидания, мой достойный друг, до свидания, будьте здоровы!

Хоумспан, отпустив таким образом своего любопытного спутника, обернулся к незнакомцу не раньше, как проводив того глазами до конца набережной.

Незнакомец оставался на своем месте, с невозмутимым хладнокровием ожидая того момента, когда портной снова обратится к нему. С первого же взгляда он, казалось, понял, с кем имеет дело.

– Вы говорите, сударь, что вы один из слуг его величества? – спросил Хоумспан.

– Я могу сказать более, сударь, я его близкое доверенное лицо.

– Так я имею честь говорить с близким доверенным лицом? Это высокая честь для меня, – ответил ремесленник, запуская свою руку в волосы и кланяясь почти до земли. – Я счастлив, весьма польщен и не сомневаюсь, высокочтимый господин, что нахожусь перед особой, которая не преминет довести до сведения его величества о моих слабых усилиях.

– Говорите свободно, – прервал его собеседник со снисходительностью принца (проницательный человек заметил бы, что собеседнику уже надоели эти верноподданнические излияния), – говорите без стеснения, как это мы всегда делаем при дворе.

Незнакомец, равнодушно покачиваясь на каблуках, подумал: «Этот тип глупее гусыни из своего птичника, если проглотит и это».

– Как вы добры! Сударь, это великое доказательство милости вашей благородной особы ко мне – желание выслушать меня! Видите ли вы этот большой корабль, там, в наружном бассейне нашего верноподданного морского порта?

– Я вижу его, он, кажется, служит предметом общего внимания достойных обитателей этого места?

– Ну! Вы, сударь, оказываете слишком много чести проницательности моих соотечественников. Вот уже несколько дней этот корабль стоит на том месте, где все его видели, и тем не менее ни одна живая душа, исключая меня, не произнесла ни одного звука насчет его подозрительного вида.

– В самом деле? – сказал иностранец, закусив конец хлыстика и устремляя блестящий взгляд на лицо достойного человека, который буквально раздулся от

важности своего секрета. – А каковы же ваши подозрения?

– Выслушайте меня, сударь, я, может быть, неправ, и пусть Бог простит меня тогда, но вот что пришло мне в голову по этому поводу. Этот корабль добрые жители Ньюпорта считают невольничьим судном, и всех матросов прекрасно принимают и в тавернах, и в лавках. Но не думайте, пожалуйста, что из моих рук вышли когда-нибудь жилет или панталоны для этих людей, нет-нет. Они имеют дело с молодым портным Тэйпом, который привлекает к себе клиентов, рассказывая всякие ужасы про тех, кто знает ремесло лучше его. Заметьте, что я не делал ничего даже для последнего их юнги.

– Вы счастливы, что не имеете ничего общего с этими негодяями, – ответил иностранец, – но вы забыли сообщить мне особое дело, которое я должен доложить, по вашим словам, его величеству.

– Сейчас я дойду до самого главного. Вы должны знать, достойный и почтенный сэр, что я человек, много повидавший и много перенесший на службе его величества. Я пережил пять долгих и кровопролитных войн, не считая других приключений и испытаний, которые смиренный подданный должен переносить терпеливо и безропотно.

– Обо всех этих заслугах будет доведено до королевского слуха. Но теперь, мой достойный друг, облегчите вашу душу и откровенно сообщите ваши подозрения.

– Благодарю вас, высокочтимый господин, я никогда не забуду вашей доброты ко мне. Узнайте, уважаемый джентльмен, что вчера в этот самый час я сидел за своим верстаком и думал. Знаете, сэр, когда рукам делать нечего, начинает работать голова. Вот, сидел, как уже сказал вам, как всякое сознательное существо, думая о жизни, о том, что пережил в пяти жестоких и кровопролитных войнах, кроме того, что случилось у мидян и персов, да еще мятежа Портеуса в Эдинбурге, пять войн...

– Ваш вид говорит о том, что вы настоящий воин, – прервал его незнакомец, еле сдерживая нетерпение, – но времени у меня мало, я хотел бы узнать, что там с кораблем.

– Да, да, сэр. Кто пережил столько войн, у того вырабатывается военное чутье. И я сейчас вам изложу тот секрет, который имеет отношение к этому кораблю. Я

думал о своем соседе Тэйпе и о том, какими способами он отбил у меня моих законных клиентов, как вдруг (одна идея всегда влечет за собой другую, как говорит каждую неделю наш достопочтенный священник в своих речах, способных тронуть самое черствое сердце) мне пришла в голову такая мысль: если бы эти моряки были честные и порядочные работорговцы, разве они оставили бы бедного человека, имеющего многочисленное семейство, и стали бы бросать жалкому болтуну свое законно заработанное золото? Я тотчас ответил сам себе; да, сударь, я не замедлил дать себе ответ, и я сказал: нет! Тогда я прямо сказал это самому себе и задался следующим вопросом: если они не работорговцы, кто же они? Вопрос, который легче задать, чем на него ответить, с чем может согласиться даже король в августейшей своей мудрости. Я отвечаю: если этот корабль – не невольничье судно, не обыкновенный крейсер его величества, то ясно как день, что это не более и не менее как корабль этого подлого пирата – Красного Корсара!

– Красного Корсара? – вскричал иностранец в зеленом, вздрогнув, как будто вдруг пробудилось его внимание, усыпленное было разглагольствованиями портного. – Это была бы в самом деле тайна, которую нужно ценить на вес золота! Но что заставило вас это предположить?

– Множество причин, которые я сейчас вам выскажу по порядку. Во-первых, этот корабль вооружен; во-вторых, это не военный крейсер, иначе о нем было бы уже известно всем, и мне первому, так как мне всегда что-то достается от военных моряков; в-третьих, грубое и нахальное поведение небольшого числа матросов, сошедших на берег. Таковы, сударь, предпосылки моих выводов, и я надеюсь, что вы передадите это его королевскому величеству.

Юрист в зеленом с большим вниманием слушал заключения портного, несмотря на его путаные и длинные рассуждения. Его пронизательный взгляд быстро перескакивал с корабля на лицо собеседника; но прошло несколько минут, прежде чем он счел нужным ответить. Его лицо утратило свою прежнюю веселость и приняло более свойственное ему выражение озабоченности и серьезности. Фамильярно положив руку на плечо портного, который весь превратился в слух, незнакомец искренне, с оттенком легкой иронии ответил:

– Вы сейчас исполнили долг верного и честного слуги короля, и ваши замечания действительно имеют большую важность. Известно, что тому, кто выдаст хоть одного из матросов Красного Корсара, назначена большая сумма денег и царская награда тому, кто передаст в руки палача всю эту шайку; возможно, за

подобное сообщение будет оказана и королевская милость: был некто Фипс, человек низкого происхождения, который получил титул шевалье...

- Шевалье! - в восторге воскликнул портной.

- Да, шевалье, - хладнокровно повторил иностранец, - блестящего и почетного шевалье. Как ваше имя?

- Мое христианское имя, великодушный джентльмен, Гектор.

- А родовое? Как ваша фамилия?

- Хоумспан.

- Сэр Гектор Хоумспан! Вот имя, которое звучит неплохо. Но, мой друг, нужно проявить побольше скромности и молчать обо всем, чтобы удостоиться этих наград. Я удивляюсь вашей проницательности и потрясен вашими неопровержимыми аргументами; вы так доказательно подтвердили свои подозрения, что я теперь тоже убежден в том, что это Корсар, а также и в том, что скоро вы будете носить шпоры и зваться сэром Гектором. Однако необходимо действовать в этом случае благоразумно. Я слышал, вы никому не сообщали о ваших блестящих наблюдениях?

- Ни одной живой душе! Сам Тэйп готов поклясться, что эти матросы - честные работоторговцы.

- Чудесно. Но сперва нужно окончательно убедиться в правильности наших заключений, а потом мы подумаем и о наградах. Приходите сегодня вечером, к одиннадцати часам, к тому мысу, который врезается в наружную бухту. Там мы еще понаблюдаем, и, когда рассеются наши сомнения, мы огласим новость, которая прогремит от Бейской колонии до Оглеторпа. Пока же расстанемся, чтобы никто не заметил, что мы так долго беседуем. Помните о моих предостережениях: молчание, точность и награда короля - вот наш лозунг.

- Прощайте, почтенный джентльмен, - сказал портной, кланяясь до земли, в то время как его собеседник едва поднес руку к шляпе.

– Прощайте, сэра Гектора, – ответил иностранец в зеленом со слабой улыбкой и, сделав грациозный жест рукой, медленно пошел по набережной и скрылся за лачугой Хоумспана, оставив главу этой древней фамилии до такой степени поглощенным мыслью о своем будущем величии и столь ослепленным этим величием, что, хотя глаза его видели так же хорошо, как всегда, разум его совершенно затуманили грезы честолюбия.

Глава III

Алонзо. Добрый боцман, мы полагаемся на тебя.

Шекспир. Буря

Едва иностранец оставил доверчивого портного, как его лицо утратило напряженность и приняло более спокойное и естественное выражение. Тем не менее казалось, что размышления не были для него ни привычкой, ни удовольствием. Ударив несколько раз тросточкой по сапогу, он легким шагом с рассеянным видом вышел на главную улицу. Несмотря на кажущуюся беззаботность, он не пропускал ни одного прохожего, не осмотрев его; порывистость, с которой он производил этот осмотр, свидетельствовала, что его ум был так же деятелен, как и тело.

Иностранец, всем своим видом показывавший, что он совершил длинный путь, не преминул привлечь к себе внимание содержателей гостиниц. Отказываясь от приглашений в самые лучшие гостиницы, он, как ни удивительно, остановился у дома, служившего сборным пунктом всех бездельников порта.

Войдя в общую залу этой таверны, как ее называли, хотя, вероятно, в Англии, ее претензии ограничились бы скромным названием кабака, он нашел помещение переполненным завсегдатаями. Приход гостя, вид и одежда которого говорили о том, что он принадлежит к более высокому классу общества, чем обычные посетители этого места, произвел некоторое волнение, но оно утихло, лишь только иностранец опустился на скамейку и потребовал, чего хотел. Хозяин, прислуживая ему, счел нужным извиниться особенно за одного человека, который находился в самом конце длинной и узкой залы и шумел больше всех, рассказывая, по-видимому, какую-то необыкновенную историю.

– Это боцман с невольничьего корабля в наружной бухте, сквайр, – прибавил достойный служитель Бахуса. – Этот человек провел не один день на море и видел столько чудес, что ими можно было бы заполнить целый том. Его называют Стариком Бореем, хотя настоящее его имя Джек Найтингейл.

Иностранец едва прикоснулся губами к поданному ему ликеру и повернул голову к рассказчику, которого можно было бы назвать вторым «оратором дня».

Рост этого человека превышал шесть футов, огромные бакенбарды закрывали нижнюю часть его мрачного лица с шрамом, неизгладимым следом глубокой раны, руки и ноги его были пропорциональны, на нем была матросская одежда. На шее у него висела длинная серебряная цепочка со свистком из того же металла. Не обращая, по-видимому, ни малейшего внимания на появление человека из общества более высокого, чем его слушатели, этот сын океана продолжал свой рассказ голосом, который, казалось, дала ему природа для контраста с его благозвучным именем[З - Nightingale – по-английски значит «соловей»]. Голос его напоминал мычание быка, отчего без привычки трудно было понимать отдельные его слова.

– Ну! – говорил он, показывая пальцем в направлении к горизонту. – Берег Гвинеи мог быть здесь, а ветер дул из этого места, порывами, как будто тот хитрец, который держит его в мехе, то пропускал его между пальцами, то заботливо завязывал его в мех двойным узлом. А знаешь ты, приятель, что такое этот мех?

Этот неожиданный вопрос был обращен к изумленному фермеру, уже знакомому читателю. С костюмом в руке, полученным от портного, он стоял и с интересом слушал рассказы боцмана, намереваясь пополнить ими свой запас историй, предназначенных для соседей.

Общий смех над Пардоном раздался в зале. Найтингейл многозначительно подмигнул окружающим и воспользовался случаем «освежиться», опрокинув себе в горло пинту рома с водой. После этого он продолжал:

– Может, и тебе когда-то доведется узнать, что такое береговой ветер, когда выпустишь руль благонравия. Шея дана человеку, чтобы держать голову над водой, а не для того, чтобы вытягивать ее. И когда тебя несет на мель искушения, следи за курсом и глубже опускай лот совести.

Затем он гляделся по сторонам:

– Итак, земля была здесь, как я уже сказал, и ветер дул там юго-восточный, а может быть, и юго-юго-восточный. Он то несся на нее, как кит на волне, то полоскал паруса. Я не люблю такой погоды, она слишком неустойчива для того, чтобы спокойно отбывать вахту. Я направился к корме, чтобы находиться поблизости, если кто-нибудь окажет мне честь и спросит мое мнение. Вы знаете, приятель, мои мысли на этот счет: вежливость – основное, человек обязан знать правила обхождения. Никогда не следует совать свою ложку в миску капитана, по крайней мере без приглашения, тем более что мое место спереди, а его – на корме. Я не говорю, на каком конце судна лучшая голова, на этот счет мнения различны, хотя люди, хоть что-нибудь смыслящие, укажут переднюю часть. Но я пошел к корме, чтобы быть наготове сказать свое мнение, если его спросят. Недолго я пробыл там, как случилось как раз то, что я предвидел: «Мистер Найтингейл, – сказал капитан, – а капитан человек обходительный, никогда не забывающий о своем благородстве, когда ему приходится говорить с кем-нибудь из команды. – Мистер Найтингейл, что вы думаете об этом клочке тучи на северо-западе?» – спросил он. «Право, капитан, – ответил я смело, потому что никогда не затрудняюсь с ответом, когда со мной говорят прилично, – право, капитан, ваша честь больше меня в курсе дела (что, конечно, чепуха, ибо по годам и опыту он по сравнению со мной сущий юнец), что ж, как мое мнение – убрать три марсели[4 - Марсель – прямой, второй (иногда третий) снизу парус на судах с прямым парусным вооружением.] и закрепить фок[5 - Фок-мачта – первая мачта на судне (считая от носа) на судах с двумя и больше числом мачт.]. Торопиться некуда: Африка и завтра будет там, где сегодня. А чтобы не дать кораблю вертеться, у нас есть большой парус...»

– Вы должны были и его убрать, – вмешался откуда-то сзади решительный голос, хотя не такой грубый, как у красноречивого боцмана.

– Какой невежда говорит это? – надменно спросил Найтингейл, рассвирепев от такого дерзкого вмешательства.

– Это говорит человек, который не один раз объехал Африку от мыса Бон до мыса Доброй Надежды и который знает, что такое туча, предвещающая шквал, – ответил Дик Фид, сильно работая локтями в толпе, направившись к своему разъяренному противнику. – Да, приятель, ни один невежда, даже набитый дурак, никогда не посоветовал бы того, что вы, своему капитану, когда была

надежда на попутный ветер.

В ответ на это высказывание, которое присутствовавшие нашли очень смелым и которое было произнесено таким решительным тоном, в зале поднялся общий ропот. Ободренный явными выражениями общей симпатии, Найтингейл не замедлил ответить, и его возражение было не из кротких. Начался невообразимый концерт: кричащие и пронзительные голоса создали звуковой фон, на котором резкие и грубые заявления выделялись низкими, басовыми тонами.

Между тем два противника готовы были уже перейти к рукопашной. Самые энергичные жесты быстро следовали один за другим, тем более опасные, что они выявляли силу четырех атлетических рук. Однако по мере того как стихали общие голоса, стали различаться голоса противников, как будто борцы решились защищаться силой своих легких. Они умили свою враждебность и приготовились к защите своих мнений с помощью красноречия.

– Вы славный моряк, приятель, – сказал Найтингейл. – И коль слово и дело были бы одинаковы, судно послушалось бы тебя. Но я видел, как эскадры под всеми флагами, кроме ваших – их я не видел, – будто чайки, трепыхались под зарифленными парусами, и потому знаю, что нужно кораблю, чтобы его не болтало.

– А по-моему, корабль нельзя класть в дрейф под задними четырехугольными парусами. Ни один моряк не поймает ветра между грот-мачтой и подветренными вантами[б - Ванты – стоячий такелаж, раскрепляющий к бортам мачты и стеньги.]. Это как гром: грохочет в небе, но никого не ударит. Давайте еще спросим кого-нибудь, кто знает флот и морскую жизнь.

– Если бы здесь был какой-нибудь адмирал флота его величества, он сразу решил бы, кто прав, кто виноват. Слушайте, ребята, есть ли между вами человек, который получил отличное морское воспитание, – пусть он скажет.

– Черт возьми! – вскричал Фид. – Вот этот человек! – И, протянув руку, он схватил за ворот Сципиона и без церемоний вытащил его на середину круга, образовавшегося около споривших. – Этот весельчак чаще, чем я, был в Африке, хотя бы по той причине, что там родился. Ну, молодец, под каким парусом лег бы ты в дрейф у берегов твоей родной земли, если бы боялся испытать шквал?

– Я бы вовсе не лег в дрейф, – сказал негр, – я бы пустил корабль скоро, скоро перед ветром.

– Без сомнения, но чтобы быть готовым к шквалу, укрепил бы ты большой парус или оставил бы его под одним передним парусом?

– Последний юнга знает это: как можно дрейфовать под большим парусом? Сами подумайте, мистер Дик, – заворчал Сципион, которого стал утомлять этот допрос.

– Господа, – произнес Найтингейл, с важным видом озирая слушателей, – я спрашиваю у вас, прилично ли выводить к нам негра, чтобы он высказывал свое мнение в лицо белому?

Этот призыв к оскорбленному достоинству собрания произвел свое действие, и поднялся общий ропот. Сципион не имел смелости противиться таким явным выражениям недовольства. Не говоря ни слова в свою защиту, он скрестил руки и вышел из кабака с покорностью и кротостью существа, слишком долго жившего в унижении, чтобы оказывать сопротивление.

Фид громко звал его назад, но, видя безуспешность своих попыток, набил себе рот табаком и с проклятиями последовал за африканцем.

Триумф боцмана был полный.

– Господа, – произнес он с еще большей важностью, обращаясь к своей аудитории, – вы видите, что я прав. Я ненавижу, понимаете ли, ненавижу хвастовство и не знаю, кто этот парень, сбегавший от позора, но что я знаю, так это то, что между Бостоном и восточной Индией не найдется человека, который лучше меня умел бы пустить корабль или положить его в дрейф, лишь бы я...

Найтингейл вдруг умолк, и его глаза, как очарованные, приковались к пронзительным глазам иностранца в зеленом, появившегося в толпе.

– Может быть, – сказал наконец боцман, забыв при неожиданном виде человека с таким могущественным взором окончить начатую фразу, – может быть, этот господин знаком с морем и может разрешить спорный вопрос?

– Мы не изучаем в университетах морской тактики, – небрежно ответил иностранец, – но насколько я понимаю, я бы поплыл с возможной скоростью перед ветром.

Он произнес эти слова с таким ударением, что можно было бы уловить намек в его словах, затем бросил на стол деньги и тотчас вышел, оставив за Найтингейлом свободное поле. После короткой паузы боцман возобновил свой рассказ. Но было заметно, что либо из-за усталости, либо по какой-либо иной причине тон его не был так категоричен, и он быстро закончил свой рассказ. Затем он поплелся на берег, откуда лодка доставила его на борт корабля, не перестававшего быть предметом особого наблюдения со стороны честного Хоумспана.

Между тем иностранец направлялся по главной городской улице. Фид, догоняя негра, ворчал на ходу, позволяя себе не очень вежливые замечания насчет знаний и претензий боцмана. Он скоро догнал негра, и его дурное настроение полностью вылилось на Сципиона.

Забавляясь, без сомнения, своеобразным характером отношений этих странных существ или, может быть, увлекаемый минутным капризом, иностранец следовал за ними по пятам. Отойдя от берега, они поднялись на холм, и в этот момент юрист (оставляем за ним звание, данное им самому себе) потерял их из виду, к тому же дорога в этом месте делала поворот. Он ускорил шаги и через несколько минут имел удовольствие заметить их сидящими под изгородью. Они закусывали тем, что нашлось в мешке у белого, который братски поделился со спутником. Негр сидел почти рядом с белым, но все же чуть позади – из уважения к цвету кожи.

Юрист приблизился к ним.

– Если вы будете так ловко опустошать мешок, друзья, – сказал он им, – то ваш третий спутник может остаться без ужина.

– Кто это там? – воскликнул Дик, поднимая голову над костью, с выражением, напоминающим большого дога, потревоженного в такой важный момент.

– Я хотел только напомнить вам, что у вас есть третий спутник! – вежливо ответил иностранец.

– Угодно вам кусочек, приятель? – произнес Дик, протягивая ему с обычной для моряка щедростью свой мешок.

– Вы не поняли меня. На набережной у вас был еще товарищ.

– Да, да, он там, где вы видите эту кучу камней, готовую рассыпаться.

Иностранец взглянул в указанном направлении и увидел молодого моряка у подножия старой башни, сильно разрушившейся от времени.

Бросив двум матросам горсть мелких монет и пожелав им лучшего ужина, он перешел за изгородь и направился с очевидным намерением также осмотреть развалины.

– Этот не жалеет своих монет, – Дик перестал жевать, чтобы лучше рассмотреть иностранца. – Они не вырастут там, где он их посеял, поэтому сунь мне их в карман. Он человек щедрый, не из робких. Да и законники получают деньги от черта и утрачивают их не надолго. Пусть же негр соберет монеты и вручит их хоть и не своему господину, но проявляющему власть над ним, а мы последуем за иностранцем.

Маленькая круглая башня возвышалась на грубо сложенных столбах; вероятно, она была построена во времена детства этой страны как опорный пункт, хотя, быть может, ее назначение было и мирное. Более чем через полвека после описываемой нами эпохи это маленькое строение, замечательное своей формой, своими развалинами и материалом, из которого сложено, вдруг стало предметом усиленных исследований со стороны американских антикваров, этой ученой породы людей, число которых страшно размножилось за последнее время.

В то время как любители отечественной старины вели споры о разрушающихся стенах, менее любознательные их соотечественники все удивлялись, как удивлялись бы приключениям знаменитого рыцаря – борца с мельницами, ярко описанным бессмертным Сервантесом.

Приблизившись, иностранец в зеленом слегка ударил тросточкой по своим сапогам, чтобы привлечь внимание моряка, по-видимому, глубоко погруженного в свои мысли, и спокойно обратился к нему, будто это был его спутник.

– Эти развалины были бы недурны, если бы находились на опушке леса, увитые плющом, но извините меня, – люди вашей профессии не беспокоятся обо всем этом. Что для них леса и священные останки? Вот башни, – произнес он, указывая на мачты кораблей, стоящих в бухте, – вот башни, которые вы любите созерцать, и единственные развалины, интересующие вас, – наверное, обломки кораблей после кораблекрушения!

– Вы, кажется, прекрасно знаете наши вкусы, – холодно ответил молодой моряк.

– Это интуитивно, мне ведь редко приходилось общаться с людьми вашей профессии. Что же такое вы нашли в этой куче камней, чтобы она могла отвлечь ваше внимание от этого благородного и прекрасного корабля, который вы рассматривали с таким интересом?

– Разве удивительно, что моряк без места рассматривает судно, которое ему нравится? Быть может, затем, чтобы попроситься туда на службу.

– Его капитан допустил бы большую глупость, если бы отказался от подобного предложения. Но вы, кажется, профессионал слишком высокого класса, чтобы удовлетвориться второстепенной койкой.

– Койкой? – моряк как-то странно посмотрел на незнакомца.

– Койкой. Вы же, моряки, этим словом называете «положение», верно? Мы, юристы, морские слова знаем плохо. Я не ошибся?

– Это слово еще не устарело и как метафора может означать то, что вы имели в виду.

– Значит, это какой-то морской термин? – спросил незнакомец. – Может, метафора – это марсель, а «не устарело» – значит «оснащено»?

Молодой моряк усмехнулся, как будто эта шутка сломала лед между ними, и его резкость исчезла в продолжившемся затем разговоре.

– Очевидно, – сказал он, – вы бывали в море. И так как и вы, и я имели это счастье, будем великодушны и перестанем говорить загадками. Например, как

вы думаете, чем была эта башня, прежде чем разрушиться?

– Чтобы судить об этом, необходимо осмотреть ее ближе, – ответил иностранец в зеленом. – Поднимемся.

С этими словами юрист поднялся по хлипкой лестнице и, пройдя через открытый люк, очутился на деревянной площадке, поддерживаемой столбами. Его собеседник не спешил следовать за ним, но, увидев, что тот ожидает его на верху лестницы, торопливо вскарабкался туда же с ловкостью и уверенностью, свойственными людям его профессии.

– Вот мы и наверху! – воскликнул иностранец, разглядывая стены, сложенные из камней таких мелких и столь неправильной формы, что, казалось, они ничем не скреплены. – Хорошая дубовая доска вместо палубы, как говорите вы, и небо вместо кровли, как говорим мы в наших университетах. Теперь поговорим о делах земных. А... А... Я забыл имя, которое вы назвали мне.

– Это зависит от обстоятельств. Я имел разные имена в разных обстоятельствах. Но если вы будете называть меня Уайлдер, я обязательно отвечу.

– Уайлдер! Вот имя, которое, я надеюсь, не отражает вашего характера[7 - Wild – значит «дикий»; Wilder – сравнительная степень.]. Дети моря ничуть не дики, разве что неуравновешенны. И я думаю, сколько красавиц вздыхает в то время, как вы бороздите волны океана!

– Мало таких людей, которые вздыхали бы обо мне, – задумчиво ответил Уайлдер, слегка раздражаясь от этого почти допроса. – Будем продолжать, если вам угодно, осмотр башни. Для чего она, по-вашему, служила прежде?

– Посмотрим, для чего она служит теперь, и мы легко выясним, для чего она служила некогда. В эту минуту она содержит в себе двух человек с легким сердцем, довольно легкой головой, которые не обременены избытком рассудительности. А когда-то в ней хранилось зерно и, не сомневаюсь, также маленькие четвероногие, с лапками легкими, как наши головы и сердца. Проще, это была мельница.

– Некоторые думают, что крепость.

– Гм! Местоположение могло бы это позволить, – согласился иностранец, бросая вокруг себя быстрый и пронизательный взгляд. – Но все-таки это была мельница, каково бы ни было желание дать ей более благородное предназначение. Расположение на ветру, конструкция на столбах, затрудняющих доступ грызунам, – все доказывает это. «Тик-так, тик-так», – звучало здесь в прошлом, верьте моему слову. Тсс! Можно сказать, этот шум еще продолжается.

Осторожно приблизившись к одному из маленьких отверстий, некогда служивших окнами башни, он тихо просунул в него голову, но спустя несколько секунд отшатнулся, сделав Уайлдеру знак сохранять молчание. Последний повиновался и скоро узнал причину этой предосторожности.

Невдалеке послышался нежный голос женщины; звуки все приближались и приближались к самому подножию башни. Уайлдер и юрист выбрали себе каждый удобные места, и все время, пока разговаривавшие оставались близ развалин, они, не двигаясь, оставаясь невидимыми, рассматривали пришедших. И мы должны сознаться, к стыду двух особ, столь важных в нашей истории, что они слушали не только внимательно, но и с удовольствием.

Глава IV

Они меня совсем с ума сведут.

Шекспир. Гамлет

Внизу находилось четверо, и это были женщины. Одна – дама на склоне лет; другая – несколько старше среднего возраста; третья – в том возрасте, который дает право выезжать в свет – в том смысле, как это понимается в обществе; четвертая – негритянка, лет двадцати пяти. В эту эпоху и в этой стране она не могла быть никем иным, как скромной служанкой, хотя, быть может, достаточно приближенной к господам.

– А теперь, мое дитя, после того как я дала тебе все советы, каких требовали обстоятельства и твое прекрасное сердце, – говорила более пожилая дама (это

были первые слова, которые ясно донеслись до ушей слушателей), – я заменяю эту досадную тему на более приятную. Ты передашь своему отцу, что я испытываю к нему дружеские чувства, и напомнишь ему, что он обещал прислать тебя сюда еще раз, прежде чем мы расстанемся навсегда.

Эти слова, произнесенные ласковым тоном, были обращены к младшей из женщин, которая, по-видимому, слушала их с нежностью. Когда они смолкли, девушка подняла глаза с блестящими в них слезами, которые она, очевидно, хотела скрыть, и ответила голосом, прозвучавшим в ушах молодых слушателей как пение сирены, – до такой степени был он нежен и мелодичен.

– Бесплезно, дорогая тетя, напоминать мне об обещании, которое мне так дорого; если мой отец не возвратится сюда вместе со мной весной, то не из-за недостаточности просьб с моей стороны.

– Наша добрая Уиллис поможет нам, – ответила тетка, улыбаясь и глядя на третью женщину одновременно и ласково, и уважительно, согласно тогдашней великосветской традиции, как обычно смотрели при обращении высшие на низших. – Она заработала своей верностью и услугами право на некоторое влияние на генерала Грейсона.

– Она имеет все права, какие могут дать сердце и любовь! – воскликнула племянница с душевным порывом, доказывавшим ее желание смягчить своей нежностью холодную вежливость тетки. – Ей мой отец ни в чем не откажет.

– И ты уверена, что миссис Уиллис будет действовать в наших интересах? – спросила тетка, ни на минуту не сбиваясь со своего тона, который ей внушало ее понятие о приличии. – С таким могущественным союзником мы будем непобедимы.

– Я прежде всего убеждена в том, что климат этого острова полезен моей воспитаннице. И помимо всего иного, из-за одного этого я сделаю все зависящее от меня.

Миссис Уиллис проговорила это с достоинством и, пожалуй, с некоторой сдержанностью, принятой в разговоре между богатой и знатной теткой и наемной, зависимой воспитанницей наследницы ее брата. Тем не менее манеры ее были исполнены грации, и голос ее, как и голос воспитанницы, был нежен и

женствен.

– Тогда мы можем считать победу одержанной, как говаривал мой муж, контр-адмирал. Адмирал де Лэси, моя милая миссис Уиллис, принял в добрый час правило, которым руководствовался всю жизнь и которое в большой степени содействовало его блестящей репутации среди моряков: чтобы преуспеть, надо только сильно желать и твердо верить. Эта благородная и сильная мысль не замедлила привести к замечательным результатам, о которых нет надобности напоминать, потому что мы все хорошо знаем их.

Миссис Уиллис склонила голову, чтобы засвидетельствовать справедливость этого замечания и славу покойного адмирала, но не сочла нужным отвечать. Переменив тему разговора, она повернулась к своей юной воспитаннице и сказала ей тоном, в котором не было и тени скованности:

– Гертруда, мой дорогой друг, ты с удовольствием вернешься на этот прелестный остров, к этому морскому ветерку.

– И особенно к моей тете! – воскликнула Гертруда. – Я хотела бы убедить отца продать свои поместья в Каролине и навсегда переселиться на север!

– Собственнику не так легко переменить место, как тебе кажется, дитя мое, – ответила миссис де Лэси. – Как бы ни было сильно мое желание, чтобы этот план осуществился, я никогда не буду уговаривать брата это сделать. Если бы и изменить что-то в жизни, то надо бы возвратиться на старую родину. Прошло уже более столетия, миссис Уиллис, как Грейсоны поселились в колонии из-за недовольства английским правительством. Мой прадед, сэр Эверард, поссорился со своим вторым сыном, и эта ссора заставила моего деда поселиться в Каролине. Но так как все это давно успокоилось, я часто думаю, что я и мой брат могли бы вернуться в дом наших предков. Это в значительной степени зависит от того, как мы переместим наше главное сокровище по эту сторону Атлантического океана.

Закончив, миссис де Лэси, добросердечная, хотя и самолюбивая дама, бросила взгляд на девушку, о которой, собственно, шла речь. Гертруда отвернулась, как обычно, когда тетка делилась с гувернанткой семейными воспоминаниями, и подставила нежному дыханию ветерка свое лицо, цветущее здоровьем и в эту минуту несколько смущенное. Лишь только миссис де Лэси умолкла, ее

племянница быстро обернулась к своим спутницам и, показывая на высокие, выше домов, мачты красивого корабля, стоявшего на якоре в порту, воскликнула:

- И вот эта мрачная темница будет нашим домом весь месяц, дорогая миссис Уиллис!

- Я думаю, это ваше отвращение к морю преувеличивает продолжительность путешествия, - ласково заметила гувернантка. - Переезд отсюда до Каролины часто совершается намного скорее.

- Да, совершался, я могу подтвердить это, - произнесла вдова адмирала, которая оставалась погруженной в только что возникшие мысли. - Когда-то мой покойный супруг провел королевскую эскадру из конца в конец американских владений в меньший срок, чем сказала моя племянница. Тогда он преследовал врагов короля и своей родины.

- И эти ужасные Адские Ворота! - воскликнула Гертруда, вся содрогаясь, охваченная страхом, столь естественным для юной женщины. - С одной стороны отмели и обломки кораблей, с другой - сильное течение. - Гертруда побледнела и при этом похорошела, не умея скрыть свой страх и становясь еще привлекательнее. - Без этих шквалов, мелей и пучин я только и думала бы об удовольствии увидеть моего отца!

Миссис Уиллис, которая никогда не поощряла в своей воспитаннице этих проявлений слабости, сказала ей суровым и решительным тоном, явно желая навсегда прекратить подобные страхи:

- Если бы все опасности, которых ты боишься, существовали действительно, то корабли не совершали бы этот путь каждый день и даже каждый час без всяких несчастных случаев. Вы, без сомнения, madame, не раз плавали по морю с адмиралом де Лэси?

- Никогда, - несколько сухо возразила вдова. - Море плохо отражалось на моем здоровье, и я всегда путешествовала по суше. Но вы, конечно, понимаете, Уиллис, что мне, как жене и вдове начальника эскадры, не подобает оставаться невежественной в мореходном деле. Я думаю, что во всей Британской империи мало найдется женщин, которые лучше меня знали бы толк в одиночных судах

или даже эскадрах. Эти сведения я приобрела естественным образом, просто живя рядом с офицером-флотоводцем. Мне кажется, что все это вам совершенно чуждо.

Благородное и исполненное достоинства лицо миссис Уиллис, на котором, по-видимому, горестные воспоминания оставили свой след, не лишая его энергичного и смелого выражения, на мгновение омрачилось. Она медлила с ответом, как будто хотела переменить тему.

– Море не совсем чуждо мне, – наконец ответила она, – я совершила в своей жизни не одно трудное и даже опасное путешествие.

– Как простая пассажирка. Только мы, жены моряков, можем говорить об основательном знании этой благородной профессии. Что может быть прекраснее корабля, бороздящего волны своей кормой и оставляющего пену, по которой узнают дорогу суда, идущие сзади. Не знаю, моя дорогая Уиллис, понятно ли это вам?

Едва заметная улыбка скользнула по лицу гувернантки. Но в это мгновение сверху башни послышался легкий шум, похожий на шум ветра, но который в действительности был взрывом приглушенного смеха. Слова «это прекрасно» готовы были слететь с уст Гертруды, живо представившей себе всю прелесть картины, нарисованной ее теткой. Но ее голос оборвался, и вся ее поза выразила напряженное внимание.

– Вы ничего не слышали? – воскликнула она.

– Мыши не совсем еще оставили мельницу! – спокойно ответила гувернантка.

– Мельницу! Дорогая миссис Уиллис, неужели вы желаете упорно называть мельницей эти живописные руины?

– Я чувствую, какой удар наносит их очарованию это название, особенно в глазах восемнадцатилетней девушки, но, по совести, я не могу дать другого.

– Руин не так много в нашей стране, моя дорогая наставница, – возразила Гертруда с блестящими глазами, – чтобы мы могли, без достаточных данных,

отнимать у них право на наше уважение.

– Тем лучше для страны. Руины здесь – будто признаки старости в человеке. Они являются отражением излишеств и страстей, беспощадно разрушающих живое. Колонии, Гертруда, напоминают тебя юностью и свежестью. Надо верить, что и у тебя будет жизнь долгая и счастливая. Пусть эти развалины будут чем угодно; много времени, по-видимому, они уже стоят на этом месте и будут стоять еще дольше, чего мы не можем сказать о нашей тюрьме, как ты назвала этот прекрасный корабль, на борт которого мы должны подняться. Итак, сударыня, если мои глаза меня не обманывают, я вижу, что его мачты медленно колеблются там, выше городских труб.

– Вы совершенно правы, Уиллис. Они буксируют судно, чтобы сдвинуть его с мели, потом они опустят якоря, чтобы он не тронулся с места до тех пор, пока будет готов развернуть паруса и выйти в открытое море. Это самый обычный маневр. Адмирал мне его так четко объяснил, что я могла бы лично командовать, если бы это приличествовало моему полу и положению.

– В таком случае он напоминает нам, что наши приготовления к отъезду еще не совсем закончены. Как бы очаровательно ни было это место, Гертруда, теперь надо его оставить по крайней мере на несколько месяцев.

– Да, – прибавила миссис де Лэси, медленно идя за гувернанткой, – целые флоты буксировались и ставились на якоря, ожидая попутного ветра и прилива. Лишь женщины, связанные с моряками высокого ранга, чувствуют опасности океана и осознают величие их профессии. Прекрасное зрелище – корабль, разрезающий волны своей кормой и несущийся вперед, как скакун, покрытый пеной, все вперед по той же линии, как бы ни увеличивалась его скорость!

Ответ миссис Уиллис не достиг ушей нескромных слушателей в башне. Гертруда последовала за своими спутницами, но, пройдя несколько шагов, остановилась, чтобы бросить последний взгляд на разрушенные стены.

С минуту все молчали.

– В этих камнях, Кассандра, – Гертруда обратилась к чернокожей девушке, – есть что-то необычное, и мне так хотелось бы, чтобы это была не простая мельница.

– Там мыши, – ответила негритянка. – Вы же слышали, что сказала миссис Уиллис?

Гертруда рассмеялась и потрепала служанку по черной щеке своими белыми пальчиками, словно упрекая ее за то, что она опровергла красивую догадку, которая ей очень нравилась. Затем она поспешила догнать тетку и гувернантку и сбежала с холма с легкостью молодой лани.

Двое временных обитателей башни оставались на месте, пока с их глаз не скрылась последняя складка ее развевающейся одежды. Потом они повернулись и некоторое время молча смотрели в глаза друг друга, будто стараясь прочесть чужие мысли.

– Я готов дать присягу перед лордом-канцлером, – воскликнул вдруг юрист, – что эти развалины никогда не были мельницей.

– Ваше мнение слишком скоро изменилось.

– Я буду судьей, и поэтому меня можно убедить достоверными доказательствами. Тут красноречиво выступили, и я понял свою ошибку.

– Но в башне есть мыши и крысы.

– Сухопутные или водяные? – иностранец в зеленом посмотрел на собеседника так, что привел его в смущение.

– Наверное, и те, и те, но сухопутные – точно.

Юрист усмехнулся.

– В вас, людях, сроднившихся с морем, – сказал он, – есть откровенность столь честная и забавная, что ею нельзя не восхищаться. Я в восторге от вашей благородной профессии. Что может быть, в самом деле, прекраснее корабля, пенящего бурные волны своей кормой и несущегося прямо вперед, как боевой конь?

– Или как змея.

Повторив эти слова и поэтические образы, достойные вдовы храброго адмирала, они разразились таким бурным смехом, что старая башня задрожала, как в те времена, когда ветер еще вертел крылья мельницы. Юрист успокоился первым, между тем как молодой моряк все еще продолжал весело смеяться.

– Молодая особа, – сказал юрист, так же спокойно, как минуту тому назад неистово хохотал, – та, которая очень не любит мельниц, – очаровательное создание. Кажется, она племянница самоуверенной вдовы.

Молодой моряк, в свою очередь, перестал смеяться, как будто сразу почувствовав, что неприлично смеяться над близкой родственницей прекрасного видения, мелькнувшего перед его глазами. Но каковы бы ни были его тайные мысли, он коротко ответил:

– Она сама это сказала.

– И скажите, – начал юрист, приближаясь к своему собеседнику, как будто намереваясь доверить ему важную тайну, – не нашли ли вы чего-то удивительного, необыкновенного, чего-то проникающего в самое сердце в голосе дамы, которую они называли Уиллис?

– Вы заметили это?

– Мне казалось, что я слышу слова оракула, голос самой истины. Какой нежный и убедительный голос!

– Признаюсь, и на меня он произвел столь сильное впечатление, что я не в состоянии выразить его словами.

– Это какая-то фантастика! – произнес юрист, прохаживаясь туда и сюда, и всякий след веселости и иронии исчез с его лица, ставшего задумчивым и мечтательным. Товарищ его не прерывал этих размышлений, занятый своими мыслями. Наконец юрист вышел из своей задумчивости, приблизился к окну и, указывая Уайлдеру на корабль в бухте, спросил:

– Этот корабль по-прежнему представляет для вас интерес?

– Конечно. Это судно, на которое с удовольствием смотрит моряк.

– Не хотите ли попытаться подняться на его борт?

– В такой час? Одному? Я не знаю ни капитана, ни кого-либо из команды.

– Можно найти другое время, а моряка всегда его собратья встретят с распростертыми объятиями.

– Эти работоторговцы не очень любят принимать гостей. Они вооружены и умеют держать посторонних на приличном расстоянии.

– Разве нет в морском франкмасонстве слов, по которым узнают своих, какой-нибудь технической фразы, вроде тех, которые мы сейчас слышали?

Уайлдер пристально взглянул на своего собеседника, казалось, обдумывая, что ответить.

– К чему все эти вопросы? – холодно спросил он.

– Потому что я думаю, что никогда трусливое сердце не завоевывало красавицы, никогда нерешительность не завоевывала счастья. Вы хотите места, говорите вы, и если бы я был адмиралом, я бы сделал вас своим первым капитаном. Но я, может быть, говорю слишком свободно с человеком, совершенно мне незнакомым? вспомните, по крайней мере, что это совет юриста и вам дан даром.

– И заслуживает большего доверия ввиду столь необычайного великодушия?

– Об этом я предоставляю судить вам, – произнес юрист, ставя ногу на лестницу и начиная спускаться. – Ну, я буквально рассекаю волны кормой, – прибавил он, спускаясь спиной. – Прощайте, мой друг! Если нам не суждено более свидеться, я советую вам никогда не забывать крыс ньюпортской башни.

С этими словами он скрылся и мгновение спустя был на земле. Потом, повернувшись, он с невозмутимым хладнокровием толкнул ногой лестницу, свалил ее и тем лишил своего спутника единственного средства спуститься.

Затем он поднял глаза на Уайлдера, который не мог предвидеть ничего подобного, сделал ему фамильярный жест рукой, снова попрощался и удалился быстрыми шагами.

– Очень странное, мягко говоря, поведение! – воскликнул Уайлдер, очутившийся в башне в качестве пленника. Убедившись, что он не сможет прыгнуть в люк, не рискуя сломать ноги, он подбежал к окну, чтобы упрекнуть своего спутника в вероломстве или, скорее, чтобы убедиться, действительно ли он так покинут.

Но юрист был уже на таком расстоянии, что не мог его услышать; прежде чем Уайлдер мог что-либо предпринять, он достиг предместья и исчез за домами.

Все это время Фид с негром подкреплялись из своего мешка, сидя под забором. Наевшись, Фид принялся по своей привычке поучать других. И когда Уайлдер остался один в башне, Дик как раз учил негра правильно вести себя в смешанном обществе.

– Слушай, Гвинея, чтобы в обществе иметь руль на ветре, нельзя все бросать и выходить из спора кормой вперед, как ты недавно. Как по мне, этот Найтингейл намного храбрее в баре, чем на палубе в шквал. И если бы ты, поняв, что к чему, держал руль к ветру так, чтобы ударить его в корму, мы бы сумели так осадить этого парня, что он полностью осрамился бы там...

Уайлдер стал кричать.

– Кто это вопит? Кто закалывает свинью?

– О боже! Да это же мистер Гарри, – воскликнул негр. – Он высунул голову из пушечного порта в маяке и орет, как матрос в шлюпке с вынутой втулкой!

– Ну, он и сам может все наладить. А глотка у него как французский рожок. Какого черта он сзывает людей к этой развалине! Он начал один со всем управляться, не собирал людей, – сам и виноват.

Дик и негр тем не менее поспешили к башне. Уайлдер, сухим и энергичным тоном морского офицера, отдающего приказания, велел им поднять лестницу. Оказавшись на свободе, он спросил, не заметили ли они, в каком направлении

скрылся иностранец в зеленом.

– Вы хотите сказать, тот человек в сапогах?

– Именно.

– Он пошел под косым ветром, пока не обогнул вон тот сарай, затем переменял галс и направился к юго-востоку, держась в открытом море, и, я думаю, поставил на реях все свои лиселя.

– Следуйте за мной, – крикнул Уайлдер, бросаясь в указанном направлении и не слушая дальше никаких технических объяснений.

Однако их усилия были напрасны. Тщетно продолжали они свои поиски до заката солнца и расспрашивали всех встречных. Никто не мог им ничего сказать об иностранце в зеленом. Некоторые видели его и даже обратили внимание на его странный костюм и гордый, пронизательный взгляд. Но по всем сведениям, он исчез из города так же странно, так же таинственно, как и вошел в него.

Глава V

Нет, вы посмотрите, какой храбрец! Ну, я сейчас с тобой по-свойски поговорю!

Шекспир. Кориолан

Жители города Ньюпорта расходились по домам рано. Они доводили до крайности умеренность и аккуратность – добродетели, еще и ныне отличающие жителей Новой Англии. В десять часов в городе не оставалось ни одного дома, дверь которого была бы открыта, и очень возможно, что часом позднее сон сомкнул все глаза, которые целый день так зорко наблюдали не только за личной жизнью каждого обывателя, но еще, в свободное время, из человеколюбия, – и за интересами соседей.

Содержатель гостиницы «Ржавый якорь» (так называлась гостиница, где Фид и Найтингейл чуть было не вступили в рукопашную схватку) тщательно запер

двери в восемь часов.

Для него это означало многое: во время сна искупались те грешки, которые он мог совершить бодрствуя. Обычно те, кому труднее сохранить доброе имя среди приверженцев трезвости, особенно усердно отказываются от соблазнов, если этого требуют традиции. Когда-то все возмущались, что у вдовы адмирала свет горел дольше положенного здесь времени. Обвиняли эту почтенную даму и в других мелочах, ее осуждали шепотом и некоторые посещающие ее приятельницы. Адмиральша не работала вечерами, но в субботний вечер сидела за рукоделием. Она делала это специально, подчеркивая свою приверженность вере (а принадлежала она к епископальной церкви) тем, что вечер воскресенья есть вечер «дня субботнего». По этому поводу они вели молчаливую войну с женой городского священника, хотя, в общем, не враждовали. Жена священника приходила в гости к вдове в воскресенье вечером с рукоделием и несколько минут работала иглой, на это время прервав беседу. А миссис де Лэси из предосторожности перед таким «грехом» перелистывала при этом молитвенник, заменявший ей святую воду, которая держит дьявола на расстоянии, по понятиям верующих, – спасительном.

Итак, вечером того дня, когда начинается наша история, а именно в десять часов, Ньюпорт был так тих, как будто в нем не было ни одной живой души. Не было видно и сторожей по той простой причине, что там тогда не существовало профессиональных воров. Бродяжничество было еще неизвестно в провинциях. Когда Уайлдер с двумя своими спутниками пробежал в этот час по пустынным улицам, нигде не было видно ни одного огонька, ничего не указывало на то, что город обитаем. Вместо того чтобы постучать в двери гостиниц, наши авантюристы направились прямо к берегу: Уайлдер шел впереди, за ним Фид, а Сципион со своим обычным покорным видом, как всегда, составлял арьергард.

Придя к воде, они нашли несколько лодок, привязанных у соседней пристани. Уайлдер отдал приказания своим товарищам и направился к тому месту, куда он распорядился причалить лодку. Прождав необходимое время, он увидел, что приближаются сразу две лодки: одну вел Фид, другую – негр.

– Что это значит? – спросил Уайлдер.

Фид опустил весло и ответил, по-видимому, чрезвычайно собой довольный:

– Гвинея в лодке, которую вы наняли, но вы, по-моему, заключили плохую сделку. И если я не найду вам лучшей лодки из всех, пусть скажут, что я ничего в этом не понимаю. Если бы здесь был наш приходской священник, он бы вам сказал, что я сын лодочного мастера, и даже поклялся бы в этом, то есть если бы вы хорошо заплатили ему за это.

– Негодяй! – со злостью воскликнул Уайлдер. – Ты вынудишь меня когда-нибудь выбросить тебя на берег. Отведи лодку туда, где она была, да привяжи ее!

– Меня выбросить на берег? – решительно возразил Фид. – Это значило бы перерубить одним ударом все ваши снасти, мистер Гарри. Без меня и вам со Сципионом придется несладко. Разве нам плохо было вместе?

– Неплохо, да! Но иногда и двадцатилетнюю дружбу приходится разрывать.

– С вашего позволения, мистер Гарри, да буду я осужден на том свете, если я этому поверю! Вот Гвинея – не более как негр и, следовательно, далеко не подходящий товарищ для белого, но вот уже двадцать четыре года, как я привык видеть его черное лицо, и теперь, видите ли, оно нравится мне так же, как и любое другое. Да и в море, когда ночь темна, не легко заметить разницу. Нет, нет, я не устал еще от вас, мистер Гарри!

– Тогда оставь свою привычку присваивать себе без церемоний то, что тебе не принадлежит.

– Ни от чего я не откажусь. Никто не скажет, что я сошел с палубы, пока на бимсах[8 - Бимсы – поперечные балки, соединяющие борта судна и служащие основанием палубы.] осталась хоть одна доска. Как я откажусь от своих прав? Что произошло? Из-за чего собирают всю команду смотреть, как наказывают старого матроса? Видите ли, вы дали ленивцу-рыбаку серебряную монету, чтобы он приготовил вам лодочку на ночь или на несколько часов завтра утром. Ну, и что же сделал Дик? Он просто сказал себе: «Это слишком!» – и пошел посмотреть по сторонам, нельзя ли чего предпринять. Деньги можно проесть или, еще лучше, пропить. Не нужно выбрасывать их за борт вместе с кухонным сором. Я готов держать пари, что мать владельца этой шлюпки и мать владельца того ялика – двоюродные сестры и что ваш доллар пойдет на табак и выпивку для всего семейства. Таким образом, в конце концов я никому не сделал вреда.

Уайлдер сделал нетерпеливый и повелительный жест и, чтобы дать Дику время выполнить приказание, стал прохаживаться по берегу. Фид никогда не оспаривал ясного и решительного приказа. Он возвратил, хоть не без ропота, лодку на место. Выполнив этот акт справедливости, Уайлдер вошел в лодку, приведенную негром, и, видя своих товарищей уже на веслах, приказал им грести в бухту, но по возможности без шума.

- В ночь, когда я вел вашу лодку в Луисбург, - сказал Фид, - мы убрали все, даже наши языки. Когда надо молчать, я не такой человек, чтобы произнести хоть звук. Но так как я из тех людей, которые думают, что язык создан для того, чтобы говорить, как море для того, чтобы жить на нем, то я и поддерживаю разумный разговор в хорошем обществе... Гвинея, куда ты тянешь лодку? Остров там, а ты гребешь на церковь.

- Налегай на весла, - прервал его Уайлдер, - правьте к этому кораблю.

Они проплыли перед судном, на котором, как подслушал молодой моряк, миссис Уиллис и очаровательная Гертруда должны были отправиться на другой день утром в далекую провинцию Каролину.

Когда лодка подошла ближе, Уайлдер при мерцании звезд внимательно, опытным взглядом осмотрел корабль. Мачты, реи, снасти - ничто не ускользнуло от него. Когда же очертания смешались и виднелась только одна темная бесформенная масса, он долго еще всматривался в нее, наклонившись из своей лодочки, и, казалось, был погружен в глубокие размышления. На этот раз Фид не имел намерения прерывать его размышлений, относящихся, как он думал, к морским делам, а все то, что имело к этому отношение, было для него священным. Сципион молчал по привычке. Через несколько минут Уайлдер поднял голову и отрывисто произнес:

- Это корабль большой! Он способен долго выдерживать преследование.

- Да, - сказал Фид. - Если он поставит все паруса, да при попутном ветре, едва ли королевский крейсер сможет приблизиться к нему и...

- Друзья, - сказал Уайлдер, перебивая его, - теперь я сообщу вам мои планы. Вот уже больше двадцати лет, как мы вместе, на одном корабле и, можно сказать, за одним столом. Я был ребенком, Фид, когда ты принес меня на руках к командиру

своего судна, я обязан тебе не только жизнью, но благодаря твоим заботам – и своей карьерой.

– Ах! Это правда, мистер Гарри, вы не занимали в то время много места, и вам не надо было большой койки.

– Поистине, Фид, я многим тебе обязан за этот великодушный поступок и, могу сказать, за твою непоколебимую преданность мне с того времени.

– И это правда, мистер Гарри, что я был довольно непоколебим в своем поведении, хотя вы часто клялись выбросить меня на берег. Что касается Гвинеи, то дуй ветер спереди ли, сзади, ему всегда хорошо рядом с вами, хотя каждую минуту между нами вспыхивает маленькая ссора, вроде этой, из-за лодки...

– Не будем об этом более говорить, – прервал Уайлдер, видимо, взволнованный воспоминаниями, одновременно нежными и грустными, которые пробудились в нем под влиянием речи Фида. – Вы знаете, что только смерть разлучит меня с вами, по крайней мере если вы сами не предпочтете оставить меня. Я считаю справедливым, чтобы вы узнали мои планы и предстоящие опасности.

– А по суше долго надо будет ходить? – спросил Фид.

– Нет. Все придется делать на море.

– Тогда давайте в ваших корабельных книгах нарисуем два скрещенных якоря – знак двух слов «Ричард Фид».

– Но ты должен узнать...

– Разве мне надо что-нибудь знать? Разве я для того так часто плавал с вами, не спрашивая, откуда дует ветер, чтобы теперь отказаться верить вам мой старый олов и изменить своему долгу? Что ты скажешь на это, Гвинея? Плынешь с нами. Или?..

– Я всюду пойду с вами! – ответил негр, как всегда, согласный на все.

– Да, Гвинея все время на вашем кильватере. А я частенько врезаюсь носом вам в корму. Но плывем с вами. Ладно, что нужно делать?

– Ну, помните, что я предупредил вас, – сказал Уайлдер. Он не сомневался в преданности своих спутников и знал, что на них слепо может полагаться, несмотря на какие-то их недостатки. – А теперь налегайте на весла и правьте к тому кораблю в наружной бухте.

Фид и негр повиновались, и лодка быстро понеслась по указанному направлению. Приблизившись к кораблю, они стали работать веслами осторожнее и наконец совсем опустили их: Уайлдер хотел, чтобы шлюпку течением медленно отнесло к судну, так как он должен был хорошо осмотреть его прежде, чем подняться на борт.

– Кажется, абордажные сети подтянуты к снастям? – спросил он почти шепотом.

– Да, – ответил Фид. – Работоторговцы знают грешки за собой и не слишком храбрые, когда не ловят негров на побережье Конго. А сейчас, при ясном небе и береговом ветре, они не ждут французского корабля, как и я не жду пока назначения меня лордом адмиралтейства. Это может случиться не скоро, ведь король мало осведомлен о моих подвигах.

– Но такая команда готова достойно встретить любого, кто захочет взять их на абордаж. – Уайлдер привык к сложным сравнениям Фида. – Корабль, так хорошо подготовленный к бою, со стоящей командой, захватить трудно.

– Нет сомнения, что очередная вахта сейчас у пушек, и все великолепно просматривается. Я однажды на «Гебе» увидел, как с юго-запада из моря на нас двигался парус...

– Тсс! – произнес Уайлдер, – на палубе шум.

– Без сомнения, шум: это кок рубит дрова и капитан требует ночной колпак[9 - Обычное выражение английских моряков, обозначающее «вечерний стакан».]

Голос Фида был заглушен ужасным звуком, раздавшимся с корабля. Можно было подумать, что это рев какого-то морского чудовища, вдруг высунувшего голову

из воды. Но опытный слух наших авантюристов тотчас узнал в этом обычный способ окликать лодки. Уайлдер, не дав себе времени услышать шум других приближающихся весел, сейчас же приподнялся и ответил.

– Какого черта? – закричал тот же голос. – В нашей команде нет никого, кто бы так отвечал. Откуда вы? Что вы делаете у меня под носом?

– Рассекаю волны кормой, – ответил Уайлдер после некоторого колебания.

– Что за сумасшедший пристаёт к нам? – проворчал спрашивавший. – Дайте-ка мне мушкет, я посмотрю, нельзя ли получить более вежливый ответ от этого негодяя!

– Стойте! – произнес спокойный, повелительный голос. – Все в порядке, подпустите их.

Человек, стоявший на палубе, велел им подойти, и разговор прекратился. Тут Уайлдер убедился, что окликали другую лодку и что он поторопился отвечать. Но отступить было поздно, и он приказал своим спутникам повиноваться.

– «Рассекаю волны кормой» – не слишком вежливый ответ, – пробормотал Фид. – Они обиделись. Но, мистер Гарри, если возникнет из-за этого ссора, дайте сдачи, и мы поддержим.

Ответа Фид не получил.

Уайлдер поднялся на корабль среди глубокого молчания, в котором ему казалось что-то зловещее. Очутившись на мостике, он бросил вокруг себя быстрый, испытующий взгляд, как будто этот первый осмотр должен был разрешить все сомнения, так долго его волновавшие. К небу вздымались высокие мачты в четком порядке. Никакой неразберихи. За исключением человека, закутанного в плащ, по-видимому офицера, на палубе не было ни души. С каждой стороны выдвигались мрачные, грозные батареи, но нигде не было заметно ни матросов, ни солдат, которые обычно теснятся на бортах вооруженного корабля и которые необходимы около орудий. Конечно, была ночь, но для безопасности корабля всегда остаются люди. Оказавшись лицом к лицу с человеком в плаще, наш авантюрист почувствовал всю неловкость своего положения и счел необходимым как-то объясниться.

- Вы, конечно, удивлены, сударь, - сказал он, - что мною выбран такой поздний час для визита?

- Конечно, вас ждали раньше! - последовал короткий ответ.

- Меня ждали?

- Да, вас ждали, разве я не видел, как вы с двумя товарищами, которые сейчас в лодке, полдня рассматривали нас то с берега, то с высоты башни? Что иное означало это любопытство, как не желание подняться на борт?

- Странно, должен вам признаться! - вскричал Уайлдер, невольно ощущая тревогу. - Так вы знали мои намерения?

- Послушайте, приятель, - прервал его собеседник со смехом, - надеюсь, я не ошибаюсь, принимая вас, судя по вашим манерам и одежде, за моряка. Не думаете же вы, что на корабле не имеется подзорной трубы или мы не умеем ею пользоваться?

- Должно быть, у вас есть веские причины следить с таким вниманием за тем, что делают незнакомые вам люди на твердой земле.

- Гм!.. Может быть, мы ждем груз. Но я полагаю, что ночью вы прибыли сюда не для того, чтобы посмотреть оснастку. Вы желаете видеть капитана?

- Разве я не его вижу?

- Где? - спросил его собеседник, делая невольное движение, исполненное страха и почтения.

- В вашем лице!

- В моем лице? Нет, нет, я не достиг еще такого почетного положения на корабле, хотя мое время в один прекрасный день еще может прийти. Скажите, приятель, вы прошли под кормой вон того корабля?

– Конечно, он, как видите, находится на моем курсе.

– Это судно, кажется, в хорошем состоянии и совершенно готово к отходу, как мне говорили.

– Да, паруса готовы, и оно держится на воде, как уже нагруженный корабль.

– Нагруженный чем? – быстро спросил его собеседник.

– Думаю, грузом, отмеченным в его журнале. Но вы, кажется, еще не грузились? Если вам надо взять груз в этом порту, то пройдет еще несколько дней, прежде чем вы сможете поставить паруса.

– Гм! Я не думаю, что мы останемся надолго после нашего соседа, – возразил его собеседник несколько сухо. Затем, как бы испугавшись, что сказал лишнее, он поспешно добавил: – Мы, работоторговцы, имеем на борту лишь ручные цепи да несколько бочонков риса. А для пополнения балласта у нас есть и ядра, чтобы заряжать пушки.

– А разве тяжелое вооружение обычно?

– И да, и нет. Закона на побережье не слишком придерживаются, здесь сила важнее права. Хозяевам виднее: если на борту достаточно орудий и снаряжения, будет только лучше.

– Тогда нужны и люди, умеющие с ними обращаться.

– Они, наверное, об этом забыли.

Их разговор был прерван тем же ревом, голосом, который встретил лодку Уайлдера. По-видимому, окликали новую лодку.

– Кто идет?

Ответ, произнесенный тихо и осторожно, был быстр, краток и выразителен. Это внезапное вмешательство, по-видимому, очень смутило собеседника Уайлдера. Он растерялся, сначала будто собравшись отвести Уайлдера в каюту, но потом

сделал тому знак оставаться на месте и побежал к средней части корабля, чтобы принять прибывших.

Уайлдер оказался один. Он воспользовался этим, чтобы рассмотреть подплывших.

Пять или шесть матросов атлетического сложения вышли из лодки и в глубоком молчании поднялись на борт корабля. Они пошептались с офицером, после чего с большой мачты в лодку была спущена веревка.

Через минуту груз, предназначенный к переноске на борт, уже качался в воздухе, потом его опустили, подтянули к борту и положили на палубу. Эта черная масса походила на человеческое тело. Вокруг него поднялась суета, шум, и груз – или тело – был подхвачен матросами, которые быстро исчезли за мачтами.

Этот случай сильно заинтересовал Уайлдера и привлек его внимание, однако не настолько, чтобы он не заметил с дюжину темных предметов, неожиданно появившихся из-за снастей. Это могли быть качающиеся блоки, но очень похожие на человеческие головы. Но он недолго предавался этим размышлениям; к нему присоединился его собеседник, и, по-видимому, они снова остались только вдвоем на палубе.

– Вы знаете, что значит собирать матросов с суши, когда корабль готов к отплытию, – сказал офицер.

– У вас, кажется, испытанный способ подымать их на борт.

– А! Вы хотите сказать об этом негоднике, на большой мачте! У вас хорошее зрение, приятель, если вы различаете на таком расстоянии. Но парень этот напился в стельку и буянил. – Довольный собой, он прибавил: – Мы с вами уже долго здесь, а капитан ждет вас в своей каюте. Следуйте за мной, я буду вашим лоцманом.

– Пойдите, – сказал Уайлдер, – не будет ли лучше доложить ему обо мне?

– Он уже знает о вас, на корабле не может произойти ничего, что не дошло бы до него прежде, чем это запишут в корабельный журнал.

Уайлдер ничего не сказал. Офицер проводил его до коридора, отделяющего капитанскую каюту от остальной части корабля, и, указав пальцем на дверь, произнес вполголоса:

– Постучите два раза; если вам ответят – войдите. Уайлдер последовал совету: он постучал, но или его не услышали, или не захотели ответить. Он постучал снова и получил позволение войти. Молодой моряк открыл дверь, охваченный чувствами, которые найдут свое объяснение в дальнейшей нашей истории, и при ярком свете лампы узнал иностранца в зеленом сюртуке.

Глава VI

Простейший план: Взять тех, кто власть имеет, И тех держать, кто сможет.

Вордсворт

Каюта, в которой очутился наш авантюрист, четко обрисовывала характер того, кто занимал ее. По форме и размерам она нисколько не отличалась от обычных кают, но ее обстановка представляла странную смесь роскоши и воинственности. Серебряная висючая массивная лампа, несмотря на некоторую реконструкцию, направленную на то, чтобы приспособить ее к новому назначению, своей формой и отделкой выдавала свою прежнюю роль – освещать место неприкосновенное и священное. Два больших канделябра из того же металла, бывшие ранее, очевидно, церковной утварью, стояли на столе красного дерева, покрытого лаком, с инкрустированными ножками. Видимо, и стол первоначально предназначался не для корабля. Покрытый бархатом диван и канапе, обитое голубым шелком, показывали, что сама Азия принесла дань богатому обладателю этого помещения. Кроме этой мебели, там были зеркала, серебряная утварь, занавеси, ковры – все самого различного стиля. Похоже, все эти предметы подбирались не для их прямого назначения, а только из-за их великолепия.

Среди этой роскоши и богатств бросались в глаза грозные орудия войны. В каюте находились четыре пушки. Хотя они были поставлены очень близко от предметов роскоши, но нетрудно было заметить, что расположение их позволяло воспользоваться ими в любой момент, что довольно пяти минут, чтобы расчистить место и превратить их в грозную батарею. Пистолеты, сабли, полупики, топоры – словом, всевозможное оружие моряков было размещено в комнате так, что одновременно и служило воинственным украшением, и находилось под рукой.

Общий вид обстановки говорил о том, что эту каюту считали цитаделью корабля. В ней имелся люк, который вел в помещение младших офицеров и в крьюйт-камеру[10 - Помещение на военных судах для хранения взрывчатых веществ и патронов.]. Уайлдер никогда не встречал подобного расположения корабельных помещений.

Незнакомец был в том же костюме, в каком мы представили его читателю. При входе Уайлдера он поднялся с места. Лицо его выражало удовлетворение и скрытую иронию. Несколько мгновений и тот, и другой молчали; мнимый юрист первый прервал молчание.

– Какое счастливое обстоятельство подтолкнуло вас оказать этому кораблю честь своим посещением? – спросил он.

– Я думаю, что ответил на приглашение его капитана! – сказал Уайлдер так же уверенно, как и его собеседник.

– Вы видели патент, давая ему это звание? Говорят, что на море ни один крейсер не может плавать без патента.

– А как к этому относятся в университетах?

– Кажется, я могу позабыть об адвокатской мантии и взять в руки свайку! – улыбнулся хозяин каюты. – У нас с вами – вы употребляете слово «профессия» – есть то, что позволяет узнать друг друга. Да, мистер Уайлдер, – он сел и пригласил сесть гостя, – я, как и вы, всю жизнь был моряком и теперь командую этим судном.

– Значит, согласитесь, я пришел не без приглашения.

– Согласен. Мой корабль вам понравился. Я же заверяю вас, что произвели на меня впечатление, заставившее пожалеть, что мы так поздно познакомились. Вы хотите поступить на службу?

– Да. Стыдно сейчас бездельничать, время беспокойное.

– Прекрасно. В нашем странном мире одни считают себя в опасности, если опираются на что-то менее основательное, чем земля. Другие связывают свою судьбу только с морем. Одни просят милостей у Бога, другие сами берут блага. Вы, конечно, прежде чем искать здесь место, сочли благоразумным собрать сведения о нашем корабле?

– В Ньюпорте говорят, что это невольничье судно.

– Это говорят в Ньюпорте! Они никогда не ошибаются, эти добрые люди! Если когда-нибудь существовало на земле колдовство, то первым из нечестивой банды был городской трактирщик, вторым – деревенский доктор, а третьим – деревенский священник. Что касается четвертого места, то поспорить о нем могли бы портной и цирюльник... Родерик!

Капитан сопровождал это восклицание, которым так бесцеремонно прервал себя, легким ударом в висевший у него под рукой китайский гонг. На шканцах[11 - Шканцы – средняя часть верхней палубы корабля.] имелись две офицерские каюты. Дверь одной из них открылась, и на пороге появился резвый и ловкий мальчик.

– Лодка вернулась?

Последовал утвердительный ответ.

– С успехом?

– Генерал у себя, сударь, и может вам ответить лучше меня.

– Ну, пусть генерал придет дать мне отчет о своей кампании.

Любопытство Уайлдера было возбуждено до такой степени, что он затаил дыхание, чтобы не потревожить внезапной задумчивости, овладевшей его собеседником. Молчание могло бы продолжаться очень долго, если бы его не прервал приход третьего человека.

Прямое, словно неподвижное тело медленно показалось из узкого люка, подобно призраку на сцене театра. Высунувшись до пояса, человек остановился и повернул к капитану лицо, выражавшее почтение.

- По вашему приказанию явился, - произнес глухой голос из почти не шевелившихся губ.

Уайлдер вздрогнул при этом неожиданном видении. Это был человек лет пятидесяти, время скорее закалило его черты, чем изменило, на красном лице его проступали тонкие жилки. Голова оплешивела, и только около ушей была взбита масса седоватых напوماженных волос. Эта голова помещалась на длинной темной шее, плечи, руки и грудь свидетельствовали о высоком росте, и все это было покрыто каким-то меховым плащом причудливой формы, вроде маскарадного домино. Капитан, услышав голос, поднял голову и воскликнул:

- Генерал, вы уже на своем посту? Нашли землю?

- Да.

- И место? И того человека?

- И то, и другое.

- И что вы сделали?

- Выполнил приказ.

- Отлично. Вы истинное сокровище, генерал, и я всегда это помню. Жаловался негодяй?

- Ему заткнули рот.

- Все чудесно, генерал; вы заслуживаете, как всегда, моего одобрения.
- Тогда вознаградите меня.
- Чем же? Вы уже достигли самого высокого ранга, какой я мог вам дать.
- Ба! Мои люди не в лучшем положении, чем ополченцы. Им не хватает одежды.
- Они будут иметь ее. Гвардия его величества будет одета не лучше. Генерал, желаю вам доброй ночи.

Фигура исчезла, как и появилась, так же внезапно, неожиданно, можно сказать, как призрак.

- Мой друг, - произнес капитан несколько высокомерно и тоном, показывающим, что он снисходит до объяснения, - командует здесь теми, кого на регулярных судах называют «морской пехотой». Начав младшим офицером, он заслужил нынешнюю высокую должность. Вы могли заметить, что от него сильно пахнет казармой?

- Больше, чем морем, должен признаться. Но всегда ли невольничьи корабли имели такой грозный арсенал? Вы ведь вооружены с ног до головы.

- Вы, без сомнения, желаете поближе узнать нас, прежде чем заключить сделку, - ответил с улыбкой капитан. Он открыл небольшой ящик, стоявший на столе, вынул из него пергамент и спокойно подал его Уайлдеру со словами:

- Вы увидите, что мы имеем охранные грамоты и уполномочены сражаться, как королевские суда, спокойно занимаясь своими делами.

- Это же патент на бриг.

- Правда, правда. Я ошибся. Вот эта, я думаю, та, что нужно.

- Это патент на судно «Семь сестер». Но у вас больше десяти пушек, и притом орудия, находящиеся в вашей каюте, девяти-, а не четырехдюймовые.

– Ах, вы пунктуальны, как адвокат, а я – безрассудный моряк. Но вы слышали о расширении патента? – Капитан бросил пергамент на другие документы. Затем, встав с кресла, он стал ходить взад и вперед по каюте... – Мне не нужно прибавлять, мистер Уайлдер, что наше ремесло имеет свои опасности. Оно, как его называют, незаконно. Но я не очень люблю теологические диспуты и потому оставим этот вопрос. Ведь вы сюда пришли с известными намерениями?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пардон (англ.) – милость, прощение, спасение души.

2

Портной, хвастаясь, смешивает события, происходящие в разных странах в разное время.

3

Nightingale – по-английски значит «соловей».

4

Марсель – прямой, второй (иногда третий) снизу парус на судах с прямым парусным вооружением.

5

Фок-мачта – первая мачта на судне (считая от носа) на судах с двумя и больше числом мачт.

6

Ванты – стоячий такелаж, раскрепляющий к бортам мачты и стеньги.

7

Wild – значит «дикий»; Wilder – сравнительная степень.

8

Бимсы – поперечные балки, соединяющие борта судна и служащие основанием палубы.

9

Обычное выражение английских моряков, обозначающее «вечерний стакан».

10

Помещение на военных судах для хранения взрывчатых веществ и патронов.

11

Шканцы – средняя часть верхней палубы корабля.

Купить: <https://tellnovel.com/dzheyms-kuper/krasnyy-korsar>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)